

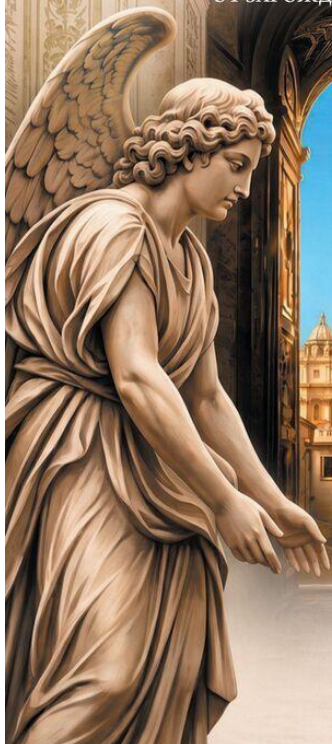
18+

ЕВГЕНИЯ КУЛИШЕНКО

ВАТИКАН

КУЛЬТУРНЫЙ КОД

ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ ДО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Евгения Кулишенко Ватикан. Культурный код

<https://litres.ru/74543563>

ISBN 9785007132855

Аннотация

Перед вами книга, которая открывает Рим и Ватикан по-новому и без мистификаций. Вместо сухой хронологии и экскурса по биографиям понтификов на страницах разворачивается живой и честный рассказ о Ватикане как о фабрике смыслов, на которой создавался и продолжает создаваться культурный код Западной цивилизации — на стыке античной философии, христианского богословия, тайных политических смыслов и психологических архетипов.

Содержание

Вступление	5
ГЛАВА 1. Ватикан до Петра. И почему, собственно, Ватикан?	11
ГЛАВА 2. Некрополь	28
ГЛАВА 3. Был ли Петр?	46
ГЛАВА 4. Константин	79
ГЛАВА 5. Первый храм	110
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Ватикан. Культурный код

Евгения Кулишенко

© Евгения Кулишенко, 2026

ISBN 978-5-0071-3285-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обладает ли Ватикан сегодня своим легендарным влиянием — или это влияние давно ушло в область мифов? Как оно возникло, на чем держится, и действительно ли оно существовало? А если да, то в чем его тайна?

Об этом мы и поговорим на страницах книги, которую вы держите в руках.

Вступление

Что такое Ватикан?

На первый взгляд все просто. Ватикан — самое маленькое государство в мире, резиденция римского папы, центр христианского паломничества и хранилище одной из крупнейших в истории человечества коллекций произведений искусства.

А если задуматься, то...

Формально Ватикан стал государством лишь с 1929 года. В нем проживает менее тысячи человек, а граждан и того меньше. Резиденцией папы Ватикан стал только в середине XV века. Несмотря на то, что этот статус не менялся, папы не задержались надолго в его стенах и уже к XVII веку возвели новую резиденцию — Квиринальский Дворец, в котором сегодня живет президент Итальянской Республики (пытливый ум наверняка задастся вопросом, почему так произошло, и обязательно найдет ответ в этой книге). Да и в средние века святые отцы не жаловали Ватикан, поэтому, вопреки стереотипам, папы пробыли здесь всего около трех с половиной столетий из почти двухтысячелетней истории института папства.

С центром паломничества все как будто понятнее. Вот только почему католиков в Ватикане встречают статуи античных богов, наполняющие коридоры и залы его Музеев? Как эти скульптуры вообще могли оказаться в папской коллекции?

О Ватикане написаны целые библиотеки, и при этом, чем внимательнее смотришь на его историю, тем сложнее представляются ответы даже на самые простые вопросы.

Большинство книг о Ватикане можно условно разделить на три крупных аспекта: история папства, история церкви и история искусства. Вот только сам Ватикан в этих, чаще всего почтенных, изданиях, — лишь сцена для разворачивающейся драмы власти, веры и красоты, а не главный герой. Кроме того, во многих современных романах и художественных фильмах Ватикан продолжает оставаться пусть и великолепной, но все же лишь декорацией, оттеняющей захватывающие события.

В своей книге я собираюсь сделать Ватикан главным героем и посмотреть на него с иного ракурса. Не через веру и политику, как обычно, а через культуру. И не через культуру как свод правил этикета и праздничных ритуалов, а как живую сеть невидимых смыслов и связей, которые объеди-

няют людей. Эти связи создают общество и цивилизацию, где жизнь каждого причастного зависит от системы ценностей, принципов, смыслов и установок, положенных в основу. Ведь сложно спорить с тем, что, скажем, Флоренция времен Лоренцо Великолепного и времен Савонаролы — это два разных города и мира, пусть геолокация и не изменялась. Изменилась культура.

Именно этот ракурс, на мой взгляд, позволяет лучше понять Ватикан — древнейший из существующих и действующих сегодня институтов в мире, который на протяжении всей своей истории питал и формировал культуру Западной Европы.

В стенах Ватикана не только служили мессы, отпускали грехи или устраивали ужины. Здесь размышляли, создавали и разрушали концепции и этические ориентиры, стремились философски осознать научно-технический прогресс, изучали историческое наследие Рима и Греции, закладывали фундаменты современной гуманитарной мысли, при этом абсолютно не ставя перед собой никакой утилитарной цели, исходя исключительно из желания лучше познать человека — величайшее творение Бога.

На протяжении всей своей истории Ватикан непрерывно занимался главным: он конструировал моральные и интел-

лектуальные координаты христианской цивилизации. Иногда мягко и мудро, иногда драматично и жестоко, а подчас и вовсе ошибаясь. Благо, Ватикан слишком древний, чтобы глубоко погружаться в обиды или неприятные эпизоды. Он просто всегда учится, в том числе на собственных ошибках и провалах.

Понять Ватикан, наблюдая за ним снаружи, невозможно. В него надо войти с проводником, знающим его пути. Я входила в Ватикан на протяжении трети своей жизни. Работа в Музеях Ватикана позволила мне видеть то, что обычно скрыто. И не потому, что там хранятся какие-то страшные секреты, а из-за того, что эти пространства хрупкие, и массовый поток посетителей пока не способен их оценить.

Но и работы в Музеях недостаточно, чтобы понять Ватикан. Поэтому книга отобразит еще и годы, проведенные мной между закрытым Ватиканом и Папским Григорианским университетом, где я сначала получила степень магистра, а потом — доктора философии в области истории искусства (PhD in Art History). В основе моей докторской диссертации как раз и лежал метод изучения истории и ее формального отражения в образах через осмысление культуры.

Кроме собственного опыта, я буду ссылаться на использованные источники. Только вместо бесконечных сносок и

цитат я оставлю на последних страницах полную библиографию, к которой я обращалась при написании этой книги.

Итак, Ватикан — живой, противоречивый, иногда шокирующий, иногда великодушный. Он хранит опыт человеческой истории и продолжает размышлять о великих загадках нашей жизни.

Государство и не только, церковь и научный институт под одной крышей, место, где собраны величайшие плоды человеческого гения. Каково его определение сейчас?

Мы живем в мире технологий, в котором ни одна программа, ни одно приложение не будут работать без кода.

И если все человечество — это программа Бога, то Ватикан видится местом, где создавали, создают и будут создавать культурный код нашей цивилизации.

А чтобы избежать подозрений в конспирологии, снизить градус пафоса и создать нужное настроение для нашего разговора, закончу вступление одной небольшой историей.

В кабинете Апостольского Дворца, окна которого выходили на площадь Святого Петра, влиятельный кардинал раздраженно бросил на стол знаменитый бестселлер о со-

бытиях, якобы происходивших в Ватикане, и посмотрел на своего секретаря:

— Пьетро, ты же молод и в наших стенах совсем недавно, помнишь еще обычную жизнь. Так объясни мне, пожалуйста, почему все гонятся за этими вымыслами, если наша реальная история гораздо более захватывающая, интересная, и, чего уж скрывать, поучительная?

ГЛАВА 1. Ватикан до Петра. И почему, собственно, Ватикан?

Мы высказали гипотезу, что Ватикан — это место, где был написан наш культурный код. Будучи одним из древнейших непрерывно существующих институтов западного мира, Ватикан вместе с тем — не набор окаменевших традиций и старинных ритуалов. Он достаточно успешно, пусть и не без внутренних конфликтов, сохраняет историческую память и бодро шагая в ногу с современностью.

Это легко почувствовать. Достаточно зайти в его стены и сразу понимаешь: граница, которую ты пересек, не географическая, а пространственная. Здесь свое измерение: история прекращает быть фактами и событиями, теперь она — кирпичики, из которых сложен ты и то, что тебя окружает.

За свою двухтысячелетнюю историю Ватикан накопил поразительный объем знаний о человеческой природе. Наблюдая, управляя, влияя, он стал уникальной лабораторией смысла — и потому так важен сегодня. Но чтобы начинать понимать его природу, необходимо сделать шаг назад. Причем далеко назад — в ту эпоху, когда еще не было ни христианства, ни Рима, ни римлян, ни самого Ватикана...

Современная территория колыбели папства расположена на правом берегу Тибра. Для путешественника это — просто подробность. Все города расположены на правых и левых берегах, если их построили на реке. Нередко случается, что в таком городе атмосфера на двух берегах разная. Можно, конечно, объяснить это особенностями планировки кварталов, наличием промзон, излучинами русла и чем-то еще.

Но Ватикан был просто обязан появиться в особом месте.

Левый берег Рима с его холмами станет колыбелью города-империи. На правом изначально существовала другая цивилизация. Здесь жили этруски — загадочный и могущественный народ, создавший одну из наиболее развитых культур доримской Италии. Этрурия занимала значительную часть центра Апеннинского полуострова, обладала богатой культурой, развитым городским устройством и сложной религиозной системой.

Этруская культура

Этрурия была открытой цивилизацией. У нее были широкие культурные и торговые связи с Грецией и Египтом. Им было знакомо и судоходство.

Сегодня у нас остались лишь фрагменты былого величия этрусков. Этруссские саркофаги, статуи, украшения — все это поражает не только тонкостью исполнения, но и глубиной заложенных в них смыслов.

И хотя сердцем этой цивилизации была Тоскана, два крупнейших этруссских музея Италии находятся как раз в Риме: один — в Ватикане, другой — на вилле Джулия. Их коллекции бесподобны и богаты, но это лишь малая часть огромного наследия, которое когда-то существовало.

На первый взгляд могло показаться, что этруссский мир настойчиво стирали из исторической памяти. Но дело, вероятно, было сложнее. Римляне не забыли этрусков: напротив, они заимствовали их религиозные традиции и технологии. Утрачено было иное — голос этой цивилизации. От этрусков почти не сохранилось литературных текстов, и потому сегодня мы вынуждены восстанавливать их историю главным образом по археологическим находкам и по свидетельствам греческих и римских авторов. Без современной археологии, эпиграфики и сравнительного изучения античных источников мы бы вряд ли смогли восстановить даже то небольшое, что знаем сегодня об этой культуре.

В ранний период этруссскими городами, по-видимому, управляли цари, совмещавшие политические и сакральные

функции. В их руках буквально объединялись две формы власти — духовная и политическая. Царь обладал максимальной религиозной властью, одновременно принимая решения, от которых зависела жизнь общины. Эта модель управления многое говорит о типе цивилизации: здесь религия не была сферой личной веры, а представляла собой основу общественного порядка.

Удивительно, каким незаметным бывает начало великих изменений. В VIII веке до н. э. вдоль правого берега Тибра находилась периферия этрусского мира. В это же время Древняя Греция вступала в эпоху, из которой вырастет архаическое искусство, Египет поражал масштабом своей культуры, инженерными знаниями и богатством.

А на холмах будущего Рима жизнь была куда скромнее. Регион Лаций населяли итальяйские племена латинов, к которым постепенно присоединялись сабины и этруски, создавая весьма пеструю этническую мозаику. Сам термин «Италия», к слову, родился на самом юге полуострова. Согласно преобладающей лингвистической гипотезе, местные итальяйские племена называли свою землю *Víteliú* («земля телят», от праиталийского корня, родственного латинскому *vitulus*), так как культ быка был для них священным. Греческие колонисты адаптировали это местное название под свое произношение — так появились *Italói* и *Italia*. Сначала Италией

называли только южную территорию сегодняшнего региона Калабрия, но постепенно это название перешло на весь полуостров.

Обитателям древнего Лация повезло с географией: вода Тибра, мягкий климат и холмы, позволяющие легко организовать оборону, делали это место идеальным для будущего центра мира. Развитые этруски на правом берегу поначалу не видели в соседях угрозы, и между ними началось культурное и торговое сближение. Ничем хорошим для этрусков это, впрочем, не закончилось.

Такое прошлое будущих великих римлян, безусловно, могло бы вдохновить антропологов, но не подходило для благородного античного эпоса о происхождении народов. В Риме рано поняли, что миф гораздо важнее настоящей истории: он вдохновляет, и как ни удивительно, в нем, в отличие от реальных фактов, никогда не сомневаются. Поэтому впоследствии родилась новая версия основания Рима.

Августовский миф: как Рим написал свое прошлое

Альтернативным сценарием стала великая история падения Трои. Когда все было потеряно, троянец Эней, спасая отца Анхиса и сына Аскания, покинул горящий город и отправился на запад — туда, где его потомки основали бы но-

вый Троянский мир. У Аскания, сына Энея, было и второе имя — Юл. А значит, именно от него, по легенде, происходит род Юлиев, наследники которого — Гай Юлий Цезарь и, через усыновление, Октавиан Август. Даже сам Ромул, легендарный основатель Рима, тоже считался потомком Энея — через царскую династию Альба-Лонги.

Думаю, узнав об этой связи имен, мы не очень удивимся, что увековечил эту легенду, сделал ее писаной, а значит, равной истории, — Октавиан Август, превративший республиканскую политическую систему в новый порядок: сохранив внешние институты, он сосредоточил реальную власть в своих руках.

Личность Октавиана сложная, одиозная, жесткая, даже жестокая. Его бесконечно длинное правление могло бы стать кошмаром, но редкие даже для всей последующей череды сильных мира сего мудрость и стремление поставить закон превыше всего сделали эпоху Октавиана одним из золотых столпов Римской Империи. Не зря его мраморное изображение украшает одну из самых красивых галерей Музеев Ватикана.

Август прекрасно понимал, что у великих держав должна быть великая история. И если реальность не вполне соответствовала ожиданиям, ее следовало не изменить, а вдох-

новенно переписать.

Поэтому Октавиан способствовал тому, чтобы величайший поэт его времени, Вергилий, взялся за поэму, в которой была бы изложена легендарная версия происхождения Рима. Так родилась «Энеида». Ей было суждено стать одним из главных текстов римской культуры — своего рода римской Библией, которую читали поколения римлян.

Обращение к искусству ради укрепления власти — практика впоследствии не только имперская, но и церковная. Папы римские позже не раз приглашали поэтов, гуманистов и философов, чтобы создать идеальный облик своего понтификата. Они понимали силу слова, силу образа. И кстати, далеко не всегда художники подчинялись воле заказчика.

Согласно античной традиции, Вергилий, благодарный Октавиану за возвращение родового поместья, изначально был готов написать то, что хотел бы Август, но искусство, если оно стремится к честности, никогда не бывает предсказуемым. В конце концов Октавиану даже пришлось спасать «Энеиду» от своего же создателя, потому что Вергилий хотел ее уничтожить. Об истинных причинах такого жеста ученые спорят и сегодня — возможно, потому что Эней все же вышел вовсе не безупречным героем, как это могло задумываться изначально. Но, по справедливости говоря, поэма бы-

ла прекрасна.

Именно представления о справедливости, суде и законе станут одной из важных линий, которые гораздо позднее приведут нас к истокам самого Ватикана.

С момента основания Рима (мы говорим о VIII веке до н.э.) на правом берегу Тибра идет жизнь, правда, пока не творится история. Но уже к VI -V векам до н. э. Рим постепенно набирал силу, расширял свои владения и все чаще вступал в конфликт с этрусскими соседями. Отношения, которые когда-то строились на торговле, культурном обмене и заимствованиях, постепенно становились борьбой за территории и влияние.

Что в имени твоём...

В 455 году до н. э. консулами были избраны Гай Ветурий Цикурин и Тит Ромилий Рок Ватикан. Его последнее имя — а точнее, семейное прозвище (когномен) — на многие столетия переживет того, кто его носил, оказавшись связанным сначала с географическим местом, а потом и вовсе — через пару тысяч лет — с именем государства, известного во всем мире.

Как так вышло? Южные племена начали подниматься в

сторону центральной Италии не разрозненной толпой, а четко структурированными родовыми союзами. Именно такая организация — по семьям, кланам, династиям — и станет основой будущей социальной системы Рима.

И разделение общества на патрициев и плебеев уходит корнями не только в имущественные различия, как это может показаться современному человеку, а в поистине глубинные сакральные и родовые основания.

Плебеями изначально назывались те, кто пришел на римские земли позже, когда история города уже началась. Это были земледельцы, ремесленники, переселенцы, искавшие в молодом Риме безопасную и сытную жизнь. А вот патриции были потомками основателей, «отцов» Рима — родовыми кланами, считавшими себя хранителями священного порядка и связей с богами. Патриций мог не иметь золота, но обладал родовым правом, волей и монополией на управление делами еще формирующегося государства. Именно поэтому патриции считались достойными особых привилегий — как единственные законные носители ответственности за судьбу Рима.

Справедливости ради заметим: идеал и реальность — не одно и то же. Римская история полна примеров того, как за разговорами о долге, чести и общем благе скрывались борь-

ба за власть, соперничество родов и стремление сохранить привилегии. Именно из этого противоречия — между общественным идеалом и человеческими амбициями — во многом и рождается политическая культура Рима.

Уже с VI—V веков до н.э. между римлянами и этруским городом Вейи шли непрерывные сражения за притибрские земли — в том числе и за те, где в будущем вырастет Ватикан.

Правый берег Тибра долго оставался пограничной территорией — пространством, где соприкасались римский и этруский миры. Здесь и находился древний *Ager Vaticanus*, который античные источники связывали с влиянием древнего и сильного этруского города Вейи.

Это была низина, периодически затопляемая Тибром, совсем не удобная ни для земледелия ни для возведения города. Ценность ее была в расположении: она находилась вблизи важнейших путей, связывавших Рим с севером и с этрускими землями.

И вот здесь история подбрасывает нам удивительное совпадение.

В 455 году до н. э., как мы уже говорили, одним из консулов Римской республики был Тит Ромилий Рок Ватикан —

Был ли он каким-либо образом связан с территорией, которая уже носила это название? Ответить на этот вопрос не просто, у нас нет прямых данных.

Но поразмышлять мы можем. Нам известно, что название *Ager Vaticanus* уходит корнями к этруским временам, а сам консул Тит Ромилий носил прозвище *Vaticanus*. Лингвисты и сегодня спорят об этой связи. И все же, оттолкнувшись от этой параллели, давайте взглянем внимательнее на земные деяния однофамильца будущего Ватикана.

В одном из походов Тит Ромилий, одержав победу, принял решение направить все военные трофеи на нужды государства. Ни армия, ни народ не получили своей доли, что вызвало волну негодования. Рассудить всех взялся народный трибун Луций Сициний Дентат — знаменитый воин и один из героев истории борьбы плебеев за свои права, правда, кажется, что в его образе, который дошел до нас, легенда победила историю.

В конце концов после окончания консульского срока против обоих уже бывших консулов выдвинули обвинение и их оштрафовали. Но этот случай стал поворотным: Рим начал осознавать, что устной традиции и воли одного человека

больше не достаточно.

Так возникла идея создать письменный свод законов, одинаковый для всех. Это стало основой римской правовой системы — на смену обычаям и устным традициям пришло письменное право, нормы которого были публичны, ясны и равны для каждого гражданина.

Тит Ромилий Рок Ватикан, согласно античной традиции, активно поддержал идею отправить посольство в Грецию для изучения их кодексов и вошел в состав первой коллегии децемвиров (*decemviri legibus scribundis*), которым было поручено составить эти законы.

Первая комиссия 451 года до н.э., в которую и входил Ромилий, подготовку законов не завершила, вырезав на бронзовых досках только десять таблиц. Еще две таблицы годом позже добавит вторая комиссия децемвиров во главе с Аппием Клавдием — комиссия, чье правление быстро переродится в жесткую тиранию.

И все же свод был создан. Он охватывал все: от наследства и долгов до уголовных преступлений и семейного права. До нас дошли лишь фрагменты, но влияние «Двенадцати таблиц» ощущается даже сегодня — в логике западного права, в принципах общественного договора, в самой идее

письменно зафиксированного закона.

И это снова возвращает нас к Ватикану. Потому что через века он сам станет не просто духовным авторитетом, но и моральным законодательным центром Европы. В этой миссии Ватикан, возможно, многое унаследовал от своих предшественников — тех самых римлян, что когда-то вырезали на бронзовых досках свои первые правила, созданные ради порядка и справедливости. Для настоящего и для будущего.

Тит Ромилий ушел с политической арены в 450-х годах до нашей эры. Он оставил после себя нечто гораздо более долговечное, чем военная слава, — сам принцип верховенства письменного закона. Это стало одной из опор, на которых вырастет Римское государство. Но если Рим рос, укреплялся, возводил форумы и дороги, то судьба Ватиканского холма в эти века складывалась совсем иначе.

Сегодня Ватикан — это блеск, мрамор, музеи, садовые террасы, с которых Папа Римский смотрит на город. А тогда... Ватиканская низина и холм после изгнания этрусков стали, по сути, заброшенной территорией. Причина? Казалось бы, пустяк: близость к реке. Тибр часто разливался, затапливая низины и превращая территорию Ватикана в сплошное болото. В этих болотах прекрасно чувствовали себя комары, а вместе с ними и малярия. Комары казались

только мелкой неприятностью по сравнению с историями о ядовитых змеях, которые якобы выползали прямо из травы и уносили детей. Рассказывали даже о гигантских чудовищах, чья пасть могла проглотить взрослого человека. В памяти людей эта земля надолго стала синонимом смертельной угрозы.

Конечно, в этих байках было больше страхов, чем реальности. Но надо понимать, как устроено человеческое восприятие: территории, не особо пригодные для жизни, особенно если они рядом с заселенными землями, часто становятся благодатной почвой для рождения суеверий. Тем более, если эти дикие места буквально покрыты зарослями и полны не самой домашней живностью. Кстати, вероятных потомков этой живности, белок и даже лисиц, можно увидеть и сейчас в садах Ватикана, несмотря на время и изменения.

Миф в Риме сильнее истории, и полузаброшенные территории привлекли к себе адептов эзотерического жанра. А Рим при всей своей рациональности был отнюдь не лишен мистического мышления и мощнейшего воображения. Так что на холме Ватикан начали совершаться таинственные обряды, куда призывались духи.

Даже само название «Ватикан» обросло эзотерическим смыслом. Римский ученый Варрон и более поздние авторы

связывали его с глаголом *vaticinari* — «пророчествовать», ведь на этом холме издавна гадали этрусские прорицатели. Другие же упоминали древнее италийское божество Ватикана *Vagitanus* (от глагола *vagire* — «плакать», «издавать первый крик»), охранявшее первый крик новорожденного младенца — тот самый звук, с которого начинается человеческая жизнь. Вати-кан. Как эхо первого вдоха.

Так родилась еще одна связь с Ватиканом, мистическая. Он стал местом перехода между видимым материальным и невидимым, между жизнью и смертью. И поскольку многое, однажды появившееся в Риме, никуда не исчезает, эта пограничная черта сохранилась в Ватикане и до наших дней. И сегодня есть в нем что-то неуловимое, древнее, мудрое и сильное, что не так просто объяснить рационально, но мы будем стараться.

И вот, в самом начале I века нашей эры, спустя почти половину тысячелетия после смерти Тита Ромилия, все начинает меняться. Рим уже перестал быть республикой. Император Октавиан Август завершил эпоху гражданских войн и запустил архитектурную революцию. Рим начал покрываться мрамором, а дороги стали вести не только в город, но и из него — по всей Италии, Галлии, Азии и Африке.

Агриппина Старшая — мать будущего императора Кали-

гулы — вместе с другими влиятельными римскими матронами решает привести в порядок и облагородить территорию на правом берегу Тибра. Задача непростая: хотя при Августе сюда уже провели акведук (*Aqua Alsietina*), а через реку возвели каменные мосты, сами ватиканские земли требовали масштабных инженерных работ по осушению болот и укреплению почвы.

Тем не менее, территория вызывала огромный интерес: центр Рима уже захлебывался от собственного размаха. К 30-м годам I века н. э. население города росло катастрофическими темпами. Все чаще звучали жалобы на то, что по ночам невозможно спать: телеги гремят, улицы шумят, люди не могут отдохнуть. Горожане даже требовали от сената запретить ночные разгрузки повозок. Самое интересное, что «ночные забавы» были уже следствием дневного запрета, введенного еще Цезарем, на разгрузки, которые создавали заторы...

Поэтому, интерес к новым территориям рос, и правый берег Тибра становился лакомым кусочком для Рима, к тому моменту уже обладавшему продвинутыми технологиями строительства. Римляне могли осушать болота, укреплять почву — поэтому даже Ватикан с его влажной болотистой землей вполне подходил для строительства. Этот район решили не просто заселить, а превратить в своего рода закры-

тый элитный поселок, где будут только роскошные виллы. Простому человеку сюда добраться будет не так легко, и это еще одна гарантия спокойной жизни.

Агриппина Старшая построила на земле Ватикана свою первую виллу, а уже позже ее сын начал возводить на правом берегу архитектурную структуру — знаменитый Цирк Калигулы. Сегодня мы чаще вспоминаем о нем уже под другим именем — Цирк Нерона, поскольку именно император Нерон унаследовал и завершил этот проект, сделав его по настоящему грандиозным. И именно там, согласно преданию, был распят апостол Петр после начала первых гонений на христиан.

Часто именно с этих событий начинают отсчет истории папского Ватикана. В то время ватиканский холм и равнина перед ним выглядели так: в центре колоссального цирка возвышался египетский обелиск, за ними в одну сторону уходили виллы патрициев, а по другую располагался некрополь.

ГЛАВА 2. Некрополь

Смерть — великая загадка нашего существования. С одной стороны, она придает всему смысл и учит ценить время, с другой — наполняет отчаянием и уносит в бездну страха перед неизвестным и непознаваемым.

Жить с ощущением этого постоянного мистического ужаса невозможно. Поэтому абсолютно все цивилизации пытались защититься от смерти, интегрируя ее в жизнь, в культуру. С этой целью создавались особые места, где смерть была отделена от мира живых. А привнесенные в эти пространства элементы обычной жизни все же делали идею смерти чуть более будничной и чуть менее ужасающей.

Для римлян таким пространством был некрополь. Слова «некро» и «полис» буквально означают «город мертвых». Римские некрополи почти всегда располагались вдоль дорог за пределами померия — священной символической границы городов. Внутри помериев действовали особые нормы права и религиозные запреты, как например, запрет на погребение.

Несмотря на то, что рельеф и климат правого берега Тибра были не слишком благоприятными для строительства до-

рог и инфраструктуры, здесь уже на рубеже V и IV веков до нашей эры появилась Виа Триумфалис. Дорога вела на север и чуть выше соединялась с Виа Кассия. Вполне вероятно, её проложили после победы великого римского полководца Марка Фурия Камилла над Вейями — богатейшим этрусским городом. Это сражение сделало Рим главной доминирующей силой в регионе. И в земли бывших соперников устремилась удобная Виа Триумфалис, вдоль которой, по римской традиции, со временем начал формироваться некрополь.

Первые исследования определили некрополь по Виа Триумфалис как этрусский — из-за исторической связи с этим народом и из-за сложности изучения самого некрополя, основная часть которого находится под зданиями современного Ватикана.

Но сегодня мы точно знаем: некрополь на правом берегу Тибра начал формироваться в первые годы I в. н.э., когда цивилизация этрусков уже давно угасла.

Первые захоронения, которые были здесь найдены, датируются самым началом нашей эры. Они — почти ровесники построек времен императора Калигулы (годы правления 37—41). Принадлежали они людям среднего класса. Благодаря обычаю римлян оставлять на надгробиях мраморные дос-

ки со списком основных событий в жизни усопшего (и да, современные мемориальные доски берут начало как раз отсюда) мы знаем, что в основном в некрополе были погребены вольноотпущенники, люди с хорошей профессиональной подготовкой и знаниями.

Именно здесь впоследствии будет погребен апостол Петр, над могилой которого возведут базилики, а их окружит значительная часть зданий современного Ватикана.

Так что можно сказать, что Ватикан стоит на древнем кладбище, и это как-то должно энергетически ощущаться.

Проводник идеи победы над смертью

Во всем сложном многообразии мыслей и ощущений, которые невозможно не испытать, посещая такое место, есть одно особо интенсивное переживание — от прикосновения к чему-то сильному и светлому. Ватикан при всей неоднозначности своей истории остается одной из опор христианской веры в нашем мире. И именно в христианстве мы находим освобождение от страха смерти, посредством воскрешения. Христианская мысль утверждала, что душа после ухода из нашего мира возвращается к Богу. Смерть больше не является пугающей неизвестностью, она — только способ для души вернуться к своему источнику.

Истина ли это или еще одно человеческое заблуждение — мы узнаем, только когда придет наше время. Но идея возвращения к Богу после смерти на земле стала колоссальным вкладом христианства в историю, в культуру, в построение мировоззрения и мироощущения. Жизнь теперь не бессмысленна, смерть — не конец всему, а способ вернуться в Дом Отца, оставив при этом наследство тем, кто придет на землю позже.

Созидание, развитие, часто медленное, но неуклонное, которое позволило Западной Европе достигнуть небывалого прогресса, было бы невозможным без вот этого «освобождения от смерти». Она отныне пугала меньше, больше не вела в пустоту или в страшный загробный мир, а обещала возвращение в место, ностальгию по которому человек носит на протяжении всей своей земной жизни.

Изучать погребальные традиции — дело непростое. Ученые — тоже живые люди со своими страхами и суевериями. Но польза и интерес такого рода исследований закрывают все возможные возражения. Ведь часто именно в этих исследованиях можно найти источники наших страхов и обрядов, которые сохраняются в культуре столетиями, несмотря на колоссальные изменения, происходящие вокруг.

Эволюция человеческих представлений о жизни после смерти

Задаваться вопросами о том, что происходит после смерти, люди начали с древнейших времен. Однако именно в христианской эсхатологии концепция рая и воскресения (говоря современным языком, качественного преобразования бытия) оформляется как центральная идея спасения.

До этого бытовали представления о загробной жизни: человек уходил из земного мира и попадал в иное пространство, где продолжалось его существование — скрытое от живых, но требовавшее заботы об ушедшем ради его благополучия. Для этрусков и египтян, например, было важно сохранить тело умершего и собрать обязательное «приданое», которым тот сможет воспользоваться после смерти.

Эта традиция материального багажа впоследствии войдет и в римскую культуру, претерпев, правда, существенную эволюцию. Римляне будут стремиться сохранять память об ушедших, чтобы облегчить им существование после перехода в другой мир. Этот подход окажет колоссальное влияние на искусство, прежде всего — на развитие римского скульптурного портрета.

Рим, пожалуй, был первой древней цивилизацией, опирающейся в искусстве главным образом на практический под-

ход. Впрочем, и чувство прекрасного римлянам тоже не было до конца чуждо: например, мост красив не из-за совершенного изгиба в его арке, а потому, что этот изгиб служит для дела, несет пользу.

То же самое — в римском скульптурном портрете. Казалось бы, зачем столь подробно изображать все изъяны? Почему нельзя сделать морщины менее заметными, а нос — более гармоничным?

С точки зрения римлян, этого действительно делать было нельзя. Ведь иначе портрет стал бы отображать другое лицо, а чтобы сохранить память о человеке, важно, чтобы его скульптурный лик был достоверным.

Изображения помогали умершим, перешедшим «жить» в некрополь, оставаться на связи с живущими. Ушедшие в другой мир становились предками рода — разумеется, только после выполнения всех погребальных ритуалов. Они давали силу наследникам, охраняли память и могли являться, чтобы дать совет. В то же время далеко не все ушедшие были благосклонны к живым: считалось, что вредоносные духи способны творить зло и вмешиваться в земные дела.

В этом убеждении лежит основа традиции приходить в некрополи только в специальные дни, чтобы наладить отно-

шения с умершими и помочь им в загробном мире.

Для искреннего христианина кладбища никакой опасности не несут. Ведь души вернулись к Богу, а тела нашли свое успокоение. Тем не менее древний языческий страх, несмотря на весь научно-технический прогресс, остался в нашем мире, войдя в коллективное бессознательное. Давайте исследуем внимательнее его корни.

Поминовение усопших оказывало огромное влияние на культуру Рима. Зимой, с 13 по 21 февраля устраивался праздник Паренталии — название торжества происходит от слова *parentes*, предки, родители.

В этот период необходимо было приходить на кладбище и общаться с умершими с помощью сложной системы ритуалов. Прежде чем умерший становился предком, необходимо было провести определенный обряд. Ведь смерть — это сложное состояние. Есть ушедший. Есть близкие с болью потери и памятью. И в то же время есть тело, теперь уже безжизненное, от которого нужно каким-то образом избавиться. Мало того, с самим телом происходят процессы, которые делают его с каждым часом все более отталкивающим, а нахождение рядом с ним — опасным для окружающих.

Необходима некая трансформация, которая позволит

проявить уважение к ушедшему, сохранить о нем память и при этом обеспечить безопасность живущим. Именно такую трансформацию и представляют собой обряды захоронения. Одним из самых древних, уходящих корнями еще к истокам самого Рима был обряд сжигания тела. Он преобладал до II века.

Для того чтобы тело полностью сгорело, необходима очень высокая температура, а это организовать технически непросто. Поэтому собирался огромный погребальный костер, который назывался «пира».

Пока готовили костер, к месту сжигания приносили еду и фрукты — дары усопшему и для трапезы в его честь, предшественницы современных поминок.

Поскольку боль потери сопровождалась страхом перед самой смертью, во время похорон устраивались танцы и даже ритуальные бои, которые позже дали начало гладиаторским поединкам. Стоит заметить, что к концу I века до н. э. такие бои окончательно превратились в государственные зрелища и перестали быть частью обычного похоронного обряда

Кажется, что все это должно было выглядеть, мягко говоря, странно. Люди скорбели об утрате, а рядом с ними развлекались и веселились. Однако это веселье не было прояв-

лением неуважения к скорби. Оно было призвано защитить оставшихся, отогнать смерть от них. То, что знали тогда римляне, сегодня лежит в основе многих терапевтических практик: высмеивание своего страха, проживание эмоций в танце или песне.

После того как пламя съедало человеческое тело, несгоревшие кости тщательно промывались и укладывались в погребальные урны.

Их производство в Риме было поставлено на широкую ногу и даже не лишено эстетики, хоть и подчинялось строгому символизму.

Первые урны производились из керамики и были конической формы, схожие с куполом, яйцом или сосудом. Впоследствии появились четырехугольные — в них уже отражалась структура дома, а гораздо позже в производстве начали использовать и мрамор.

После завершения похоронного обряда урну относили к новому месту обитания усопшего — в некрополь. Его архитектура, как правило, дублировала обычный город. Здесь тоже были улицы, а по их бокам располагались строения, очень напоминающие дома без окон. В них были двери, можно было войти внутрь, разместить урну с прахом.

Как и в любом городе, в некрополе не было места равенству. Богатые и бедные захоронения очень сильно отличались друг от друга. Насколько это было важно для усопшего — сложно предположить. Но для живых это имело огромное значение. Богатое захоронение говорило о престиже семьи, а значит, о силе рода: чем могущественнее и достойнее твои предки, тем важнее и влиятельнее будешь и ты сам.

Благодаря археологическим раскопкам и серьезной исследовательской работе, сегодня в Ватикане можно посетить две части древнего некрополя. И мы прежде всего поговорим о той, которая находится под закрытой территорией Ватикана.

Мы помним, что здесь проходила древняя *Via Triumphalis*. Формирование некрополя по ее сторонам продолжалось с I по начало IV века — вплоть до момента возведения первой базилики над могилой Апостола Петра. Впоследствии ряд оползней VI и VII веков окончательно поглотил гробницы под слоем земли. Как упоминалось ранее, захоронения здесь принадлежали преимущественно римскому «среднему классу»: чиновникам, торговцам, ремесленникам и в первую очередь — императорским вольноотпущенникам.

Помимо отдельных зданий здесь было много колумбариев

— домовидных гробниц. Это, по сути, «многоквартирные» захоронения, когда в одной стене делались ряды с нишами для урн с прахом. Статус погребенных таким образом был ниже, но и тут оставляли пространство для искусства.

Украшение колумбариев было простым и очень гармоничным. Используемый здесь стиль росписей позаимствовали ранние христиане при создании первых капелл в катакомбах. В оформлении также встречается римская мозаика достаточно высокого уровня, а сама структура колумбариев пережила века, сейчас ее современный вариант мы встречаем на итальянских кладбищах.

Впрочем, в некрополе под Ватиканом были найдены и несколько крайне простых захоронений — неглубоких ям в земле без всякого дополнительного убранства.

Благодаря изучению некрополя было отмечено одно очень важное изменение: с начала II века все чаще тела не сжигают, а хоронят. И это результат целого ряда культурных процессов.

Любой древний римлянин видел в границе между городом живых и городом мертвых прежде всего сакральный смысл. Уже в V веке до н. э. Законы Двенадцати таблиц строго фиксировали: «Мертвеца в городе не хоронить и не сжи-

гать».

Умершие принадлежали иному миру. Присутствие тела внутри священной черты приносило ритуальную скверну и нарушало *pax deorum* — гармонию между гражданами и богами. И чтобы все были довольны, мертвые «жили» вдоль оживленных дорог, где прохожие, читая надписи на надгробиях, даровали им бессмертие в человеческой памяти.

Долгое время смену похоронной традиции пытались объяснить экономикой — например, удорожанием дров для погребальных костров. В центральной Италии действительно наблюдался дефицит древесины, но для богатого Рима, снабжаемого поставками со всего Средиземноморья, это вряд ли могло стать решающим фактором.

Причину смены традиции исследователи сегодня видят в трансформации самой римской культуры II века. Под влиянием греческой моды и новых эстетических идеалов эпохи Адриана на первый план выходит индивидуальное увековечивание памяти. Мраморный саркофаг с барельефами становился идеальной «визитной карточкой» усопшего и его семьи, предлагая куда более ярко выраженную статусно-изобразительную форму, чем скромная урна с прахом.

Можно сказать, для римлян такой переход от сжигания

к захоронению не был болезненным. У них и до христианства было свое представление о потустороннем мире: после смерти человек становился бесплотной тенью, которая при этом могла испытывать страдание и тоску. Поэтому покойным могли оставлять несколько вещей для использования в загробном мире, а еще их обязательно снабжали монетой, чтобы те могли заплатить перевозчику через реку смерти.

Для семьи ушедшего родственника было небезразлично его существование после смерти. Даже там, в царстве теней, им хотелось дать ему защиту, с просьбой о которой обращались к богам подземного царства — *Dis Manibus*. Часто такие посвящения сокращённо обозначались на саркофагах и похоронных плитах буквами DM.

Что интересно, такого рода надписи можно найти и на христианских захоронениях. Только в этом случае они выполняли роль реальной защиты для живых, и не в потустороннем, а в нашем мире. Такая надпись на захоронении близкого могла спасти его семью от гонений на христиан, которые проходили в Империи достаточно часто.

А чтобы не обрекать на страдания души христиан в мире мёртвых ради защиты в мире живых, между христианскими и языческими надписями всё же была разница.

Существует версия, что она заключалась в написании имени. Язычники писали имена усопших в родительном или дательном падеже, вверяя их богам подземного царства.

Христиане же указывали ушедших в именительном падеже. Таким образом, языческие боги смерти не имели власти над душами христиан. В Ватиканском некрополе было найдено несколько таких надписей. Иногда, чтобы ещё сильнее защитить усопшего, добавляли «такой-то покойся в мире» — *N. in pace depositus est.*

Дело всего в паре букв, а такое огромное значение! На заре первого тысячелетия слово и прежде всего написанное слово несло куда большую важность, чем сегодня.

Интересно, что некоторые традиции пережили смены религий и эпох. В самом начале раскопок Ватиканского некрополя ученых заинтересовали трубы, которые были врыты в землю рядом с некоторыми захоронениями. Впоследствии выяснилось, что трубы предназначались для вина и через них совершали возлияния, позволяя живым символически включать умершего в поминальную трапезу.

Похоронные убрания — способ рассказать историю жизни погребенного

Самые престижные элементы погребального убранства, богато украшенные рельефами саркофаги начинают широко использоваться начиная с сотых годов нашей эры. Но это не оригинальный элемент римской культуры. Саркофаги были позаимствованы Римом у этрусков и греков, в культуру которых они в свою очередь пришли из Египта.

Подобно древним египтянам, этруски отличались подлинно сакральным и невероятно серьезным отношением к смерти. Это нашло выражение в наполнении гробниц огромным количеством предметов быта и роскоши. Колесницы, бронзовая утварь, ювелирные украшения и оружие, требовавшие колоссальных затрат для своего производства, не служили живым, а отдавались мертвым. В период расцвета этрусских городов (VIII—VI века до н. э.) знатные семьи буквально закапывали огромные капиталы в курганы, уверенные, что тем самым демонстрируют своё могущество. Впоследствии, в союзе с политической раздробленностью и военным давлением соседей, эта заикленность на мире смерти и неспособность объединить ресурсы перед лицом внешней угрозы существенно ускорили закат этрусской цивилизации.

Это еще раз возвращает нас к тому, насколько были ценны мысль христианства, христианское откровение, христианская идея, которая говорила о бессмертии души и в принципе помогала преодолеть человеку страх перед смертью.

Перешедшая к римлянам этрусская традиция использования саркофагов получила колоссальное распространение и такой престиж, что превратилась в отдельный вид искусства. В нем соединились техника, формальный стиль в украшении рельефов и мир человеческих историй в сюжете, где усопший является главным героем.

Некрополь позволял сравнивать жизни ушедших через земной след их захоронений. Рядом с элегантными саркофагами соседствовали богатые и безвкусные захоронения, где родственники, желая показать свои финансовые возможности, наполняли все сверху донизу символами, сплетенными в бестолковой аляпистости.

В этом же некрополе, пусть и совсем нечасто, рядом с богато украшенными саркофагами встречаются и нищенские захоронения — простая, как правило даже неглубокая яма в земле. Сверху тело усопшего прикрывали черепицей.

В одном из таких захоронений был найден скелет матери и ребенка. Здесь нет никаких даров, нет надгробия. По погребенным понятно, что ребенок прожил совершенно недолго и похоронен вместе с матерью. Скорее всего, его рождение и стало в конце концов причиной смерти матери.

Такие находки заставляют задуматься о судьбоносности и о символичности мировой истории, помогают ощутить в жизни прошлых столетий и тысячелетий что-то очень личное, живое, человеческое.

Точно так же — без почестей, даров и надгробий — в неглубокой яме был похоронен апостол Петр. Позже именно над этим скромным захоронением император Константин возведет первую базилику. И пойдет ради этого на беспрецедентное нарушение римских законов и религиозных табу, приказав засыпать часть языческого некрополя.

Впоследствии и остальной некрополь из-за оползней будет забыт и утрачен. Над ним возведут новые здания. И только в XIX веке он напомнит о себе первыми находками в процессе строительных работ. Поначалу ими серьезно не занимались. Но ситуация изменилась в середине XX века, когда территория государства Ватикан начала существенно реорганизовываться, появились новые структуры и возникла необходимость в строительстве подземных парковок.

Подготовительные работы вскрыли целые кварталы некрополя. Стало понятно, что ценность найденного неисчерпаема для истории, поэтому привлекли профессиональных археологов.

Исследования продолжались до начала 2000-х годов. Некрополь оказался практически идеально сохранившимся, что привело к ряду важных открытий. С 2014 года он посещаем по специальной брони на сайте Музеев Ватикана.

Но если это часть некрополя больше говорит о человеческих судьбах и общей истории, то та, что расположена сегодня под Собором Святого Петра, имеет совершенно особенное значение для истории христианства. Ведь там находится могила апостола, отдавшего свою жизнь во имя распространения слова Христа. Или не находится?

ГЛАВА 3. Был ли Петр?

И почему так важен утвердительный ответ на этот вопрос?

Исторически утверждалось, что Собор Святого Петра в Ватикане был воздвигнут над местом захоронения одного из двенадцати избранных учеников Иисуса, к которому спаситель обратился со словами:

«И Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее».

(Мф. 16:18)

Имя Петр означает «камень», и воздвигнутая над его захоронением церковь в буквальном смысле оказывалась материальным воплощением слов Спасителя. Это важно для всего христианского мира. Апостол Петр также считался первым папой римским в истории. Могила апостола дает смысл папской власти как несущей колонне католицизма.

Но есть еще одна, гуманистическая ценность в этом ответе.

Собирая звенья культурного кода Ватикана, мы уже знаем: цивилизация этрусков оставила нам в наследство идею интеграции религии в систему власти. Пришедшие на их ме-

сто римляне поставили закон во главу угла, а потом, заложив на холме Ватикан некрополь, открыли символические двери в пространство небытия, в пространство смерти.

И вот пришел тот, кто заявил: «Я ученик произнесшего «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек» (Ин.11:25—26). Именно устами Петра в Риме были впервые произнесены слова о победе жизни над смертью. Поэтому для христианства так важно было, чтобы Петр пришел в Рим, чтобы он проповедовал, подвергся гонениям и в доказательство истинности учения Христа отдал на холме Ватикан самое ценное для человека — собственную жизнь.

Acta Petri — важная традиция жизнеописания апостола Петра

Так называемые «Деяния Петра» (*Acta Petri*) — апокрифическое сочинение конца II века, созданное, по всей вероятности, в римской христианской среде. Оригинал был написан на греческом языке и сохранился лишь фрагментарно. Однако до нас дошел его важнейший латинский перевод, известный как Верчелльский кодекс (*Actus Vercellenses/Codex Vercellensis*), который и сегодня хранится в библиотеке Капитула в североитальянском городе Верчелли (*Biblioteca Capitolare di Vercelli*). Именно этот манускрипт сберег для истории важные моменты римского периода жизни апостола.

Именно в «Деяниях» впервые описывается история встречи Иисуса и Петра на Аппиевой дороге. Во время гонений Нерона Петру удастся покинуть Рим. За городскими воротами он встречает идущего ему навстречу Христа. На вопрос апостола: «Quo vadis, Domine?» — «Куда идешь, Господи?» — Христос отвечает: «Иду в Рим, чтобы быть снова распятым».

Петр понимает сказанное без объяснений. Если он сам сейчас уйдет, значит, его сердце не верит. Петр возвращается в Рим и принимает свой крест: быть распятым в цирке Нерона у подножия Ватиканского холма, чтобы таким образом доказать верность истине вечной жизни христианства. Апостол просит распять его вниз ногами, ибо он раскаялся в своих сомнениях и считает себя предателем, а потому не может принять такую же смерть, как и его учитель.

Расследование смерти Петра Ватиканом: поиски на свой страх и риск

Сегодня массовая культура видит в человеческом скелете символ смерти. Древние его воспринимали иначе — скелет не тлел, а значит, нес значение вечной жизни. Поэтому его присутствие в месте погребения так важно.

Раскопки места захоронения Петра начались только в 1939 году — риск не найти скелет был слишком велик. Что же заставило папу Пия XII Пачелли (годы правления 1939—1958) положить начало столь рискованному исследованию, да еще и в весьма неподходящий исторический момент?

Сама фигура этого понтифика неоднозначна для истории, и светской и религиозной. За нейтралитет, который не был нарушен Ватиканом на протяжении Второй Мировой войны и нежелание прямо осудить нацизм папа римский Пий XII Пачелли получил титул «Папа Молчания». И этот титул вряд ли можно считать почетным.

Здесь, пожалуй, свою не лучшую роль сыграли и особенности общения Ватикана с внешним миром. Ватикан никогда не говорил прямолинейно.

Сам Ватикан тоже осознал эту проблему в коммуникации. Поворотным моментом стал Второй Ватиканский собор (1962—1965), созванный папой Иоанном XXIII. Необыкновенно сложный и важный, он кардинально изменил диалог Католической церкви с изменившимся миром, сделав его более открытым и понятным.

Выступать в роли прокурора или адвоката Пия XII — не цель этой главы. Нас интересует важнейшее археологическое

исследование в рамках его понтификата: поиск мощей апостола Петра и его результаты.

И чтобы понимать контекст этого исследования, поступим так же, как и проводившие его археологи, — обратимся к историческому прошлому.

Античные хронисты: ключевые свидетели расследования

Мы помним, что с наступлением I века н.э. облик ватиканского холма на правом берегу постепенно менялся. Население в Риме росло с огромной скоростью, и все чаще размышления о возможном использовании правого берега посещали светлые головы римских императоров.

Калигула начал воздвигать на правом берегу новый цирк. Он, конечно, уступал знаменитому Большому цирку, но тем не менее тоже поражал размерами. Главное предназначение сооружения — принимать соревнования на колесницах, но для проведения казни цирк тоже мог подойти. Впоследствии строение унаследовал Нерон, при котором структура была полностью завершена. Сегодня мы знаем этот цирк, а точнее, то крайне немногое, что от него осталось, именно под его именем — Цирк Нерона. Здесь впоследствии и был казнен апостол Петр.

Археологических свидетельств этому так мало, что есть смысл обратиться к историкам. О первых христианах писали многие заслуживающие доверия и уважения авторы: Иосиф Флавий, Светоний, Плиний, Тацит.

Как настоящие хронисты, они хотели зафиксировать для истории все важные события, происходившие в их время. Но эти авторы даже представить не могли, что для христианской истории их труд обретет беспрецедентную ценность: ни один из них не был христианином, а значит, каждый проявил крайне необходимую в таком деле беспристрастность.

Светоний в своей книге «Жизнь двенадцати цезарей» (Жизнь Клавдия, 25.4), в главе, посвященной Клавдию, рассказывает о приказе императора: изгнать из Рима часть иудейской общины. Поводом стали постоянные волнения, происходившие, как пишет римский историк, «по подстрекательству Хреста» (Chrestus).

Сегодня исследователи сходятся во мнении, что Светоний допустил оговорку, спутав имя Христа с популярным в Риме греческим именем Хрест. Римские власти еще не различали иудеев и первых христиан, воспринимая происходящее как внутренний конфликт внутри иудейской общины.

Клавдий не стал прибегать к суровым казням, ограничившись административной мерой — высылкой бунтовщиков за пределы столицы. Для Рима это был стандартный способ быстро восстановить порядок на улицах города, не вникая в суть религиозных споров. За крепостными стенами нет структуры, если идеи и сохраняются, то их распространение окажется почти невозможным, а значит, нужно только подождать, и вредные поверья естественным образом уйдут в забвение.

Однако эта мера возымела обратный эффект: изгнанные из Рима последователи нового учения рассеялись по провинциям империи, лишь ускорив распространение христианства. Один из примеров — супруги Акила и Прискилла, которые отправились в Коринф, где вскоре встретили апостола Павла.

В свою очередь, Тацит в своем сочинении «Анналы» (книга XV, глава 44) пишет о гонениях Нерона после пожара 64 года, вину за который император возложил на христиан. Это была первая массовая казнь последователей новой веры. И, несмотря на то, что имя Петра непосредственно в тексте Тацита не указывается, связь с ним прослеживается из раннехристианской традиции: Евсевий Кесарийский (ок. 265—339 гг., «Церковная история», кн. II, гл. 25; «Хроника»), а также Блаженный Иероним Стридонский (ок. 347—420 гг.,

«О знаменитых мужах», гл. 1, 5).

Точная дата казни апостола неизвестна. Сегодня хронологически ее относят к периоду между 64 и 67 годами. Исторические источники утверждают, что первые аресты начались немедленно после пожара. Однако при исследовании текстов и непосредственном изучении могилы Петра археологи обнаружили фрагменты черепицы, датированной 67 годом. Это свидетельствует о том, что волна гонений и процесс обустройства места упокоения апостола растянулись во времени, и, что самое важное, найденная черепица подтверждает: к 67 году могила Петра уже существовала.

Мы достоверно знаем из римских хроник, что Нерон казнил христиан, а раннехристианские авторы единодушно свидетельствуют, что среди них были апостол Петр и его соратник — апостол Павел. А есть ли еще тексты, к которым мы можем обратиться, чтобы получить и другие подтверждения?

Свидетельство евангелиста Луки и жизнь апостола Павла

Одним из основным текстом в данном случае можно считать «Деяния святых апостолов», написанные евангелистом Лукой. Лука не входил в число ближайших учеников Христа,

но был образованным эллином (греком) и, по свидетельству апостола Павла, врачом по профессии («Лука, врач возлюбленный» — Кол 4:14).

Лука принадлежал к ближайшему кругу спутников апостола Павла, что подтверждается так называемыми «мысфрагментами» в Деяниях апостолов, где повествование неожиданно переходит в форму первого лица множественного числа. Это придает тексту характер свидетельства очевидца. Поэтому тексты Луки не только прекрасны с литературной точки зрения, но и очень точны в описании реальности Римской империи.

Лука последовал за Павлом в Рим, а после его казни, сумев избежать гонений, умер в преклонном возрасте, пусть точной информации о времени и месте его смерти не осталось. Поэтому у нас есть достоверный свидетель жизни апостола Павла. Возможно, начав следовать за этой исторической нитью, мы сможем найти точную информацию и о самом Петре.

Итак, Павел родился в городе Тарс в Киликии (территория современной Турции) в семье, купившей римское гражданство. Это было удовольствие, доступное только для очень богатых людей. Вероятно, его семья занимала привилегированное положение благодаря своему достатку, а новый юри-

дический статус давал еще больше прав и свобод, недоступных большинству жителей провинций.

Тарс был крупным богатым и культурным городом, сопоставимым по значению с Александрией или Афинами, что обеспечило Савлу (так Павла называли при рождении) отличное образование, в том числе в области философии, риторики и еврейской религиозной традиции. Неудивительно, что в юности в Иерусалиме Павел был близок к религиозным лидерам и занимал значимое положение в иудейской общине.

После смерти и воскресения Христа Савла отправили в Дамаск, поручив ему преследовать приверженцев новой веры, которые считались угрозой религиозному порядку. Книга Деяний описывает, что именно по пути в Дамаск Савл переживает видение, встречает Иисуса и обращается в христианство. После этого он принимает имя Павел и становится известен как апостол язычников, то есть проповедник христианства среди неевреев. Так что хоть Павел и не был одним из двенадцати апостолов, призванных Иисусом при жизни, но его роль в распространении христианства в эллинистическом мире стала колоссальной.

После обращения Павел возвращается в Иерусалим, где поначалу сталкивается с недоверием местной общины. В разные периоды его судьба развивается по-разному: в част-

ности, однажды его арестовывают, но после заявления Павла о своем римском гражданстве отправляют в Рим. Впрочем, есть версия, что Павел покинул Иерусалим и отправился в Рим по собственной воле.

Оказавшись в Риме, Павел начинает проповедовать христианство, обращаясь к людям самых разных сословий — от богатых и образованных граждан до бедных и рабов. Он буквально ломал устоявшиеся социальные рамки античного мира, в котором ценность человека определялась исключительно его статусом и богатством.

Слова Павла находили глубокий отклик, но были и те, кто относился к нему с недоверием: слишком уж революционной казалась весть о Христе, да и лично с Учителем Павел никогда не встречался. Чувствуя необходимость в поддержке, чтобы побороть это недоверие, Павел, вероятно, обращается за помощью к Петру, который к тому времени также находился в столице империи.

Два апостола, столь разных и по взглядам, и по пройденному жизненному пути, невероятно гармонично дополняли друг друга, свидетельствуя перед Римом об единой вере и едином откровении Христа.

Необратимое вмешательство Нерона

В 64-м году император Нерон решает возложить вину за поджог Рима на христиан. Его правление не нравилось многим, пусть и не было столь сумасшедшим или эксцентричным, как это иногда пытаются представить историки. Чтобы отвести от себя подозрения, Нерон выбрал удобную мишень: объявив о преследовании христиан, император мог без особого риска устранять самых видных членов общины (в том числе Петра и Павла) и одновременно расправляться с политическими конкурентами, многие из которых действительно приняли новую веру. А те, кто не имел к ней никакого отношения, не смог бы доказать свою непричастность, и его можно было назначить «тайным христианином».

Устроив первое массовое гонение на христиан и безжалостно проливая их кровь в своих политических интересах, Нерон даже подумать не мог, что свершенное им станет одним из ключевых моментов в формировании христианской общины в Риме и символом раннего мученичества.

А тогда тела казненных захоронили в находящемся рядом некрополе. И какой бы ни была жизнь человека, после смерти ему всегда воздавалось должное. Обряды проводились, в том числе из желания обезопасить живущих. Ведь согласно весьма распространенным верованиям, души умерших, над чьими телами надругались или не захоронили по всем пра-

вилам, становились очень злыми и могли мстить.

Именно поэтому апостол Петр, находившийся вместе с Павлом в Риме, хоть и подвергся неизбежной казни в Цирке Нерона во время гонений на христиан 60-х годов, все же оказался погребенным в некрополе вместе с другими перво-мучениками.

Об этом свидетельствует целая традиция ранних авторов: Климент Римский в «Первом послании к Коринфянам» (ок. 96 г.), Игнатий Богоносец в «Послании к Римлянам» (ок. 110 г.), Дионисий Коринфский, Иринеи Лионский в знаменитом трактате «Против ересей» (ок. 180 г.) и Евсевий Кесарийский в своей «Церковной истории».

[См.: Климент Римский. Первое послание к Коринфянам, 5 (1 Clem. 5:1—7); Игнатий Богоносец. Послание к Римлянам, 4 (Ign. Ad Rom. 4:3); Дионисий Коринфский. Послание к Римлянам (цит. по: Евсевий Кесарийский. Церковная история, II, 25:8); Иринеи Лионский. Против ересей, III, 3, 2—3; Евсевий Кесарийский. Церковная история, II, 25:5—7.]

Вот так, соединив древние тексты, археологию и историческую реконструкцию, мы можем с достаточно большой уверенностью сказать: действительно, апостол Петр после казни был захоронен на холме Ватикан.

В свою очередь Павел как римский гражданин, избежал публичной расправы и был обезглавлен за пределами города на Виа Остиенсе. Позднее на этом месте была сооружена Базилика Святого Павла за Стенами (*Basilica di San Paolo fuori le Mura*).

Дальнейшая судьба могилы апостола Петра

О месте захоронения Петра писали многие ранние историки. В частности уже упомянутый Евсевий Кесарийский в своем труде «Церковная история» (*Ecclesiastical History*), в книге 2, главе 25, параграфах 6—7, цитирует слова раннего римского пресвитера по имени Гай о могилах апостолов Петра и Павла.

Впоследствии эти места неоднократно упоминаются в трудах раннехристианских авторов и отцов Церкви. Это уже не только историческое подтверждение факта казни и захоронения, но и свидетельство почитания могилы апостола Петра, которая, несмотря на гонения христиан, становилась важным местом их поклонения.

Когда император Константин Великий в 313 году разрешил открыто исповедовать христианство, то велел воздвигнуть один из новых храмов над могилой апостола Петра. Эта

церковь Константина стала первым в истории христианства храмом, возведенным над могилой мученика.

Храм простоял более тысячи лет, но в 1506 году началась масштабная перестройка, которая завершилась появлением современного Собора Святого Петра. Несмотря на сложные работы вокруг, саму могилу апостола Петра укрепили, обустроили и украсили новым декоративным оформлением, при этом ее содержимое не подверглось ни малейшему вмешательству. И на это была своя причина.

С могилой Петра все было более или менее понятно — исторических упоминаний о ней, как мы убедились, достаточно. А вот судьба мощей апостола оставалась под вопросом. Во время перестройки храма в XVI веке не исключали возможности, что в Средние века, когда подробных летописей не вели и историю не писали, мощи Петра ради сохранности святыни, вероятно, перенесли в катакомбы. А значит, могила под храмом могла быть пустой.

Во избежание сомнений и для сохранения непоколебимой веры лучше было не искать мощи, а полагаться на то, что они здесь, под Собором. Единственный известный случай, когда рабочие приблизились к месту захоронения, произошел в 1625 году. Тогда велись работы по укреплению пространства под алтарем для установки колонны Балдахина. В про-

цессе часть мраморных плит обрушилось, погибло несколько рабочих, и началось недовольство. В результате Папа Урбан VIII приказал немедленно прекратить любые работы и больше не трогать могилу апостола Петра.

И вот в 1939 году папа римский Пий XII отдает почти неофициально приказ начать поиски мощей Петра. Время, как уже отмечалось, стояло неподходящее. Ситуация в Ватикане была сложной: предшественник Пия XII, папа Пий XI скончался, как многие считают, при странных обстоятельствах.

11 февраля 1939 года все ждали речь по случаю десятилетия создания государства Ватикан, в которой папа должен был обличить Гитлера и, кажется, публично выступить против Муссолини.

Вот только Пий XI понимал: мир стоит на пороге еще более масштабного конфликта, чем Первая мировая война. Войны уносят не только жизни и стирают с земли города. Они меняют психику людей, чтобы мотивировать их к уничтожению друг друга. Для этого создаются идеалы, цели, которые выходят из высших этических побуждений, из глубоких культурных ценностей, близких тем, кто пойдет на войну. Все это перемалывают смертоносные жернова, лишая смысла. Вместе с этими идеалами и культурными ценностями

ми рушится и духовный фундамент народа. Будучи крайне образованным человеком, Пий XI понимал: все это может произойти, а он не способен это остановить. Более того, понтифик оказался поневоле участником происходящего, начав много лет назад диалог с Муссолини.

Обличительная речь Пия XI никогда не будет произнесена. 10 февраля он умирает. Сердце понтифика, скорее всего, разорвалось от боли. Где-то начинают шептаться, что его отравили, а где-то начинают говорить: *лучше* бы его отравили.

Молчаливый папа, явивший миру доказательство жизни апостола

Итак, в 1939 году был избран новый папа Пий XII Пачелли. Кто он такой?

Эудженио Пачелли родился в Риме, возле церкви Санта-Мария-ин-Валичелла по соседству с ораторией Святого Филиппа Нери. Это удивительный квартал Рима — здесь множество старинных палаццо, и сама среда буквально пропитана историей.

Будущий папа происходил из знатной римской семьи. Его род принадлежал к так называемой папской аристократии

и на протяжении поколений был тесно связан с Ватиканом. Члены семьи служили в папской администрации, а его дед сопровождал Пия IX во время изгнания.

Интерес к религии проявился у Пачелли очень рано. Уже в возрасте 3—4 лет он пытался повторять жесты священников, за которыми наблюдал во время богослужений. В итоге мальчика отдали учиться в Папский Григорианский университет. Учеба увлекла его, он показывал блестящие результаты и мечтал посвятить себя церковной карьере.

Его способности быстро заметили, было решено, что он принесет гораздо больше пользы не в академической среде, а непосредственно в системе. К моменту своего избрания 63-летний Эудженио Пачелли провел около сорока лет в стенах Ватикана. За это время он занимал множество ключевых должностей, был нунцием, государственным секретарем, дипломатом и уже прекрасно знал, как устроена система управления Церковью.

Но он понимал и другое: его задачей было не только управление Ватиканом. Ему предстояло найти для Церкви путь в Европе, которую неминуемо ждало разрушение из-за войны, развязанной Муссолини и Гитлером. И Пий XII решился на шаг, который позже станет судьбоносным.

Вероятно, на это решение повлияли события 1936 года, свидетелем которых он стал. Во время работ у ватиканского обелиска произошло проседание части площади, были обнаружены структуры античного некрополя. Пий XII теперь не просто знал о некрополе из разного рода научных публикаций своего времени — он его видел своими глазами.

А еще Пий XII, вероятно, понимал: война повлечет за собой духовный кризис необыкновенной глубины. С таким, возможно, люди еще не сталкивались. А может, с ним сталкивались цивилизации, которые погибли, потому что не смогли его пережить.

Да и сам папа все сильнее терял опоры, чувствуя свою беспомощность. Поэтому он принял сложное и важное решение — начать искать мощи апостола Петра. Однажды они стали камнем, на котором выросло христианство в Риме. Пусть случится еще одно чудо: жизнь преодолеет смерть.

К таким важным работам необходимо было подходить с исключительной осторожностью. Ведь отсутствие мощей могло вызвать колоссальный резонанс, усугубить кризис вместо того, чтобы укрепить веру. А Пий XII был искренне верующим католиком, и этот вопрос действительно тревожил его сердце. Поэтому работы было решено вести медленно и максимально аккуратно.

Первым этапом стало понижение уровня пола в ватиканских гротах на несколько десятков сантиметров. Официально — для того, чтобы достойным образом оформить и разместить надгробие Пия XI (его мы можем видеть и сегодня). Однако за этим формальным предлогом скрывалась заветная цель — осторожно приблизиться к месту захоронения Петра, не привлекая особого внимания к работам.

Встал вопрос о выборе археолога. В тот момент в Риме безусловной звездой отрасли был Рануччо Бьянки Бандинелли — выдающийся специалист, участие которого могло бы привести к еще более масштабным и сенсационным открытиям. Однако его тесная связь с фашистским режимом Муссолини сделала кандидатуру невозможной: Ватикан не мог позволить себе подобный компромисс.

Выбор пал на иезуита Антонио Ферруа, специалиста по раннехристианской археологии. Именно он должен был непосредственно руководить раскопками и работать в ватиканском некрополе.

Надзор за всеми работами — от методики раскопок до организационных и финансовых вопросов — был поручен другому священнику, эконому Фабрики Святого Петра Людвигу Каасу.

Фабрика Святого Петра — это особая структура Ватикана, основанная в 1506 году с началом строительства Собора и отвечающая за все, что с ним связано: от расписания богослужений до реставрационных работ любого масштаба, включая самые радикальные вмешательства.

Немецкий католический священник, канонист и политический деятель Людвиг Каас (1881 — 1952) был по образованию церковным юристом и одним из ведущих специалистов по каноническому праву в Германии. В 1920-е годы Каас активно участвовал в политической жизни Веймарской республики и возглавлял Партию Центра — главную католическую политическую силу страны того времени.

После прихода к власти национал-социалистов и заключения Рейхсконкордата (1933) Каас покинул Германию и переехал в Рим, где стал близким доверенным лицом Пия XII. В Ватикане он был назначен экономом Фабрики Святого Петра и в этом качестве он курировал и контролировал археологические работы под Собором, включая раскопки ватиканского некрополя и поиски захоронения апостола Петра. Его роль заключалась не столько в научном руководстве, сколько в административном и финансовом контроле, а также в обеспечении строгой конфиденциальности проекта.

Итак, раскопки начинаются. Весной 1941 года в газете L'Osservatore Romano, официальном ежедневнике, на страницах которого Ватикан печатал прямо или завуалированно все, что хотел сказать о себе миру, появляется заметка: в Соброре Святого Петра, у гробницы под папским алтарем, начинаются небольшие ремонтные и реставрационные работы. Сообщалось, что основная фаза работ продлится приблизительно с 1941 года до начала 1943 года.

Полностью скрывать раскопки было невозможно. Дело было даже не только в адских условиях труда для рабочих, сколько в сложности и рискованности процесса. В подземной части Собора была невероятно высокая влажность, под фундаментом могла скапливаться вода. А над всем этим, постоянно рискуя нарушить устойчивость купола и балдахи-на Бернини над папским алтарем, возвышалась гигантская структура самого Собора.

Именно здесь, в самом сложном месте, в зоне под балдахином, должна была пройти основная часть работ. Эту область обозначили латинской буквой «Р» — от имени Петра (*Petrus*). С археологической точки зрения это был весьма значительный участок: примерно 9 метров в длину и 4,5 метра в ширину. Параллельно исследовались и другие участки, тоже обозначенные буквами алфавита — практика, вполне привычная для раскопок.

В результате уже к 1942 году появилась возможность представить, каким было захоронение апостола Петра в античную эпоху, и выполнить его научную реконструкцию.

Конструкция была вполне традиционной для античных некрополей: двухъярусная эдикула с двумя колоннами и выступающим перекрытием. Эта выступающая часть, похожая на алтарный стол или мемориальную плиту, служила местом для подношений: здесь в так называемый *dies natalis* (день памяти умершего) оставляли дары, цветы и зажигали светильники.

Именно эта структура была идентифицирована учеными как «Трофей Гая» — памятник над могилой апостола, упоминание о котором в свидетельстве пресвитера Гая конца II века приводит историк Евсевий.

Однако довольно быстро стало ясно, что реконструкция неполная. Логично, что под такой структурой должен был находиться либо прах, либо тело. Петра, согласно раннехристианской традиции, погребли в земле, без кремации, и ожидалось, что его останки находятся именно здесь, в глубине захоронения.

И действительно, в процессе работ были обнаружены че-

ловеческие останки, даже возникло предложение объявить их мощами апостола Петра. Однако Пий XII решительно отказался это сделать: абсолютной уверенности не было. Антропологическая экспертиза показала, что найденные кости принадлежали разным людям, среди которых были женщины и дети. Это исключало возможность идентификации их как останков апостола. Папа хотел найти реальную могилу апостола, поэтому работы продолжились.

Однажды руководитель археологической группы, опытный исследователь, отец Антонио Ферруа, тот, которого впоследствии критиковали и даже называли «ненастоящим археологом», — обратил внимание на одну странную деталь.

В боковой части стены G, расположенной справа от предполагаемого захоронения, было заметно небольшое отверстие. Выяснилось, что оно возникло случайно: его пробili сами рабочие в процессе расчистки. На разлом тогда как будто не обратили внимания, вопрос остался открытым.

К 1950 году раскопки были завершены, весь материал проанализирован, а научная публикация подготовлена. Отец Ферруа был вынужден констатировать: мощи апостола Петра обнаружены не были.

Это, безусловно, разочаровало группу. О результате сооб-

щили Пию XII, и надо отдать ему должное: понтифик не стал скрывать эту информацию. Результаты раскопок были обнародованы и опубликованы официально.

Но как только сведения дошли до средств массовой информации, отец Ферруа внезапно опубликовал статью в газете *Il Messaggero* — одной из самых популярных и читаемых итальянских ежедневных газет. В ней руководитель раскопок на всю Италию заявил, что у него в кабинете хранится фрагмент штукатурки. Он был извлечен из зоны Стены G, примыкающей к *Muro Rosso* (Красной стене), рядом с нишей у предполагаемого захоронения апостола Петра.

Речь шла о небольшом участке штукатурки с древним граффити, в котором впоследствии разглядели легендарную надпись: «*Péτρος ἐνὶ*» — «Петр здесь».

На первый взгляд, подобное утверждение могло показаться сомнительным. Если смотреть на фотографии этого фрагмента, надпись выглядит фрагментарной и неочевидной — можно вообразить почти что угодно.

Однако с точки зрения эпиграфики при профессиональном взгляде на фрагмент становится ясно: перед нами не случайные царапины. Под слоями позднейших надписей действительно проступают греческие буквы, складывающие-

ся в формулу, традиционную для раннехристианских погребальных надписей: «Петр здесь».

К счастью для всей истории и, возможно, прежде всего для самого папы, статья отца Ферруа не осталась незамеченной. Ее прочла выдающийся классический филолог, эпиграфист, профессор Римского университета La Sapienza, одна из крупнейших итальянских учёных XX века Маргарита Гуардуччи. И с этого момента история поисков мощей апостола Петра вступает в совершенно новую фазу.

Маргарита Гуардуччи специализировалась на древнегреческих и латинских надписях, прежде всего погребальных и культовых, и считалась непререкаемым авторитетом в области раннехристианской эпиграфики. Ее научная карьера развивалась вне церковных структур: Гуардуччи была светским ученым, воспитанным в строгой традиции классической филологии, и именно это придавало ее выводам особый вес. Она настояла на том, чтобы получить доступ ко всему материалу и провести собственный анализ. Более того, профессор потребовала разрешения спуститься непосредственно в зону раскопок, чтобы ознакомиться с находками вживую.

И тут оказалось, что монсеньор Людвиг Каас в 1941 году во время одного из своих регулярных спусков под пап-

ский алтарь обратил внимание на разрушенный участок стены. Надо сказать, что Каас спускался к раскопкам практически ежедневно, контролируя ход работ от имени Фабрики Святого Петра, чем чрезвычайно раздражал отца Антонио Ферруа: тот открыто говорил, что ощущает себя под постоянным надзором.

Именно Каас первым заметил, что в проломе уже известной нам стены G среди строительного мусора находятся человеческие костные фрагменты. Он аккуратно собрал их в небольшую коробку, решив сохранить находку отдельно.

Кстати, эта коробка до сих пор упоминается в рассказах экскурсоводов, сопровождающих посетителей Ватиканских гротов и зоны, прилегающей к предполагаемой могиле апостола Петра.

Когда Маргарита Гуардуччи узнала об этом эпизоде, ее реакция была, мягко говоря, эмоциональной. По воспоминаниям современников, она позволила себе выражения, которые вряд ли вошли бы в академические публикации. Но именно в этот момент для нее начала складываться цельная картина.

Гуардуччи выдвинула гипотезу, что во времена императора Константина при строительстве первой базилики над

гробницей апостола Петра мощи могли быть извлечены из первоначального погребения в земле и перенесены в более защищенное место: в нишу, встроенную в стену, которую при раскопках и называли Muro G. Эта стена была облицована дорогим мрамором, что указывало на особое значение находившегося там объекта.

Именно тогда, по ее мнению, на стене и появилась надпись:

«Πέτρος ἐνὶ» — «Петр здесь». Возможно, ее специально оставили для паломников.

С хронологической точки зрения всё совпадало.

Отец Антонио Ферруа позднее объяснял, что снял и изъясл фрагмент стены с надписью, поскольку не мог точно определить ее датировку: он опасался, что граффити могли относиться как к более раннему, так и к более позднему периоду. Таким образом, фрагмент был сохранен — пусть и ценой утраты его первоначального контекста.

Теперь же извлеченные Каасом из ниши костные фрагменты были переданы для дальнейшего изучения и научного анализа в Университет Палермо, где на тот момент находилась одна из сильнейших школ антропологии и археологии. Пока это еще были не «мощи», а лишь останки, ожидавшие

научного и церковного заключения. Исследование возглавил профессор Венерандо Корренти, выдающийся итальянский антрополог.

После тщательного анализа останков Корренти сделал принципиально важное заключение: все костные фрагменты принадлежали одному человеку. Это имело огромное значение, поскольку в античных некрополях — особенно тех, которым около двух тысяч лет, — земля нередко смещается, захоронения нарушаются, а останки перемешиваются. Именно это произошло с другими костями, найденными в той же зоне. А здесь ситуация была иной.

Но самым интересным оказалось другое. Профессор отметил, что изначально эти останки действительно находились в земле, характерной для данного участка некрополя. Частицы этой почвы сохранялись на костях. Однако наряду с ними были обнаружены следы золота и пурпурной ткани.

Это наблюдение неожиданно, но точно совпадало с гипотезой Маргариты Гуардуччи: во времена императора Константина останки апостола Петра могли быть перезахоронены с особыми почестями — с использованием пурпура, символа императорской и сакральной власти, а также элементов, связанных с почитанием мученика. Именно тогда они, по всей вероятности, были помещены в нишу стены рядом с

первоначальной гробницей.

Профессор Корренти указал и на еще одну важную деталь: у скелета отсутствовали кости стоп. Этот факт остается предметом научных дискуссий, но он был зафиксирован и включен в официальный отчет — в целях научной точности и без попытки богословской интерпретации.

Почему же подобное перезахоронение могло быть произведено именно при Константине? Ответ, вероятно, лежит в сфере безопасности. Начало IV века было временем глубоких трансформаций: империя утратила былую устойчивость, границы стали уязвимыми, внутренние кризисы продолжались. Поместить мощи апостола в переносимый реликварий означало подвергнуть их риску похищения.

Стена, в которой были расположены останки, являлась частью архитектурного комплекса, неподвижной и труднодоступной. Ее невозможно было унести или вскрыть незаметно. Это было решение, продиктованное не только почитанием, но и расчетом.

И потому становится понятнее, что отец Антонио Ферруа и монсеньор Людвиг Каас, невольно создавшие вокруг могилы апостола Петра целый детектив и нередко становившиеся объектами критики, в действительности руководствовались

одной и той же целью — сохранить реликвию, не позволив ни науке, ни вере поспешно объявить истину там, где она требовала максимальной осторожности.

С самого начала раскопок Людвиг Каас спускался в археологическую зону вовсе не затем, чтобы контролировать работу отца Антонио Ферруа.

Немец Каас прекрасно понимал, в каком времени живет. В первые годы войны в Ватикан проникли шпионы. Они действовали тонко и осторожно: прикрывались связями со священниками и безупречными рекомендациями, представлялись убежденными антифашистами. Так им удавалось получать доступ к информации, которая затем использовалась нацистской Германией и фашистской Италией, чтобы серьезно компрометировать Ватикан как нейтральное государство.

В этой ситуации постоянные спуски Кааса под папский алтарь были, скорее всего, мерой предосторожности. Вполне возможно, когда он обнаружил и аккуратно собрал костные фрагменты, то уже понимал: перед ним находка особого рода. Но в тревожное, нестабильное военное время самым безопасным решением было сохранить останки в простой коробке, без огласки — и что особенно важно, без немедленного уведомления папы.

Вероятно, похожими соображениями руководствовался и отец Антонио Ферруа, когда изъял фрагмент стены с надписью «Πέτρος ἐνὶ» — «Петр здесь». Он сделал это не из желания скрыть истину, а чтобы сохранить ее для более спокойных времен, когда научный анализ и богословские выводы будут сделаны без давления обстоятельств.

Почему же обо всем этом не было заявлено сразу после окончания войны, например, в 1945 году? Потому что войны не заканчиваются в тот же день, когда подписываются мирные договоры. У них всегда остается длинный тяжелый хвост — годы нестабильности, недоверия, скрытых конфликтов.

Католическая церковь может быть благодарна Маргарите Гуардуччи уже только за то, что она сумела реконструировать состояние захоронения апостола Петра на момент правления императора Константина, связав воедино архитектуру, эпиграфику и археологический материал.

Сегодня останки, найденные внутри стены G, признаны мощами. Они были собраны и помещены в реликварий из плексигласа — по сути, в прозрачный защитный контейнер — и возвращены в ту самую часть стены, откуда их извлек Людвиг Каас в 1941 году. А сам Людвиг Каас был похоронен в Ватикане, в гротах Собора Святого Петра, что само по себе

свидетельствует о степени значимости его фигуры для Святого Престола.

Когда мы приходим в Ватикан, далеко не всегда нам удастся спуститься в эту зону: доступ возможен только по специальному разрешению. Однако и без него к самой гробнице можно подойти очень близко и очутиться рядом с иконой Христа, у участка стены, облицованного пурпурным мрамором, обозначающего место, связанное с захоронением апостола.

Мне хочется верить, что Петр здесь. К тому же, этот тот самый редкий случай, когда между верой, исторической традицией и современной наукой нет непреодолимых противоречий.

ГЛАВА 4. Константин

Если бы не было Петра — у нас не было бы и истории перезахоронения его мощей по приказу императора Константина. Это пример того, как одна историческая фигура может повлиять на судьбу многих.

История хранит имена тех, чье влияние было настолько значительным, что его можно назвать роковым. Такие люди отличались по происхождению, образованию и темпераменту. Их, пожалуй, ничего не объединяло, кроме силы характера и необыкновенной амбициозности.

Таким был и император Константин. Если бы не он, наш мир стал бы однозначно иным.

Не император Константин создал Ватикан, но именно он открыл дорогу христианству в Риме, и без его вклада история западного христианства и самого Ватикана были бы невозможны.

Православная церковь причислила Константина к лику святых, Католическая поступила более сдержанно и наградила его титулом первого христианского императора. А мы, люди светские, можем позволить себе задуматься о том, что

путь христианства в Риме и мире проложен человеком, который сам от этого христианства был достаточно далек.

В этом противоречии нет ничего удивительного: жизнь каждого великого человека наполнена парадоксами, потому что писать историю значит менять мир, постоянно совершая выбор, который не всегда будет казаться верным.

Итак, первый христианский император Константин Великий остановил гонения на христиан и дал привилегии христианской церкви в Риме, а также во всей империи. Он построил первые христианские храмы на Западе и в итоге объединил христианство, которое к началу 4 века включало уже много течений. В 325 году император Константин собирает Никейский собор, на котором провозглашен символ веры, он сохраняется и сегодня.

И этот же Константин, гонявшийся за чувственными удовольствиями, в стремлении получить больше власти хладнокровно устранял соперников, а впоследствии убил своего сына и жену.

И самое изумительное, что эти два абсолютно противоположных взгляда на фигуру Константина верны.

Давайте внимательнее взглянем на его жизненный путь.

У Константина удивительно красивая дата рождения. Традиционно указывают, что он родился 27 февраля 272 года. Получается символическая комбинация: 27.02.272.

Однако у меня есть ощущение — и многие историки с этим вполне согласны, — что эта дата была слегка отредактирована.

На момент рождения Константина еще не существовало привычного нам летоисчисления от Рождества Христова. Появление человека на свет фиксировалось в совершенно иной системе координат — в рамках римской хронологии, а не христианской. Так что с самого начала личный миф в биографии Константина вплетается в ткань реальной истории.

О матери Константина, святой Елене, мы знаем удивительно мало. Скудость античных источников восполняют более поздние жизнеописания — иногда почти агиографические, иногда откровенно апокрифические, — которые рассказывают о Елене как о женщине простого происхождения.

Согласно имеющимся текстам, мать императора родилась в семье хозяина постоянного двора и с ранних лет помогала семье. Работников в подобных местах условно можно было разделить на две категории: тех, кто обслуживал постояль-

цев, и тех, кто ухаживал за животными. Елена, по рассказам, принадлежала ко второй группе. Подобная работа обычно поручалась самым юным, тогда как с возрастом и опытом человека могли «повысить» до обслуживания гостей.

Однажды на постоянный двор, принадлежавший ее семье, заехал Констанций Хлор — тогда еще не император, но уже перспективный римский офицер. Между ними завязались отношения, и результатом этого союза стал мальчик по имени Константин. Был ли этот союз полноценным законным браком или же оформлен как конкубинат — официальное и вполне уважаемое в Риме сожительство людей из разных социальных слоев, — историки спорят до сих пор. Но главное, Констанций официально признал сына, обеспечив ему высокое происхождение

Традиционно считается, что Елена была христианкой и воспитывала Константина в духе новой веры. Однако некоторые современные историки предлагают иную версию: именно Константин, уже став императором, привел свою мать к христианству. Для биографов Константина этот вопрос принципиален, а для нас гораздо важнее другое.

Римская империя времен Константина

Внесем ясность в устройство Римской империи тех вре-

мен. Ведь его во многом унаследует и структура Католической церкви.

Константин не родился в традиционной семье римских патрициев, но это не означало, что по своему происхождению он в чем-то уступал другой знати. Во-первых, он родился римским гражданином в семье военного на территории, которая сегодня относится к современной Сербии, а тогда являлась полноценной частью Римской империи. Римское гражданство само по себе уже несло огромное достоинство. Оно означало, что человек с детства впитывал ценности Рима. Не всегда эти ценности последовательно воплощались на практике, но по крайней мере они четко формулировались и декларировались.

Для каждого римского гражданина существовал путь, который мы сегодня назвали бы социальным лифтом. В Риме прекрасно понимали: правящая элита нуждается в постоянном обновлении и к ней необходимо впускать «новую кровь» — талантливых, энергичных, амбициозных людей самого разного происхождения.

Но здесь существовало важное условие. Эти «волчата» — умные, сильные, устремленные вверх — не могли просто получить власть, деньги и доступ к ресурсам, чтобы распоряжаться ими по своему усмотрению. «Новая кровь» должна

была доказать, что достойна войти в элиту, принять ее правила игры и разделить ее ценности.

Именно так элита обновлялась, не теряя своей внутренней структуры: люди получали высокий социальный статус, сохраняя принципы, а также определенную культурную и моральную планку. К этой новой элите, разделяя ее ценности, примкнул и Константин.

Он появился на свет в один из самых трагических и напряженных периодов истории Римской империи — во время так называемого кризиса третьего века. Это была эпоха непрерывных междоусобных войн, дворцовых переворотов и насильственных смен власти.

За неполные шестьдесят лет, с 235 по 284 гг. н. э., в Риме сменилось около тридцати императоров. Все это происходило на фоне усиливающегося давления извне: варварские набеги на границы империи участились, экономика расшатывалась, система управления трещала по швам. В этих условиях ключевой силой становится армия — легионы сами начинают возводить на престол правителей из числа простых солдат.

Одним из таких правителей становится император Аврелиан — человек армии, оставивший яркий след в истории

Рима: в частности, знаменитые Аврелиановы стены и сегодня сохранились в современном городе, который, правда, уже давно разросся за их пределы.

После него к власти приходит император Диоклетиан — фигура по-настоящему переломная. С его именем связан один из самых известных античных анекдотов, который на самом деле открывает важную историческую истину о беспрецедентном шаге для римского императора. Диоклетиан действительно правил около двадцати лет и добровольно отрекся от власти. Он удалился в свой дворец в Далмации на побережье Адриатики и, по свидетельствам античных авторов, вел там частную жизнь (выращивал капусту, как говорится в анекдоте).

Но в 284 году, будучи императором, провозглашенным армией, Диоклетиан только приходит к власти и начинает глубокую реформу Римской империи, которая во многом определит политическую реальность эпохи Константина.

Будучи солдатским императором, Диоклетиан достаточно быстро сумел привести в относительный порядок римские границы. И в какой-то момент ему стало ясно: теперь необходимо урегулировать ситуацию внутри самого Рима, внутри системы власти.

В определенной мере ему удалось снизить градус постоянных конфликтов, добиться относительной стабилизации и временного мира как минимум. И главная проблема Римской империи на этом этапе становится для Диоклетиана совершенно очевидной.

Ее корень был не в экономике, не в варварских набегах и даже не в военных угрозах. Главной и самой болезненной проблемой становился вопрос наследования императорской власти — как и кому именно она передается. К ней добавлялась и реальная невозможность управиться с огромной империей из одного центра одним человеком.

Эта проблема, к слову, будет мучительно актуальна и для Ватикана в определенные периоды его истории. Сегодня она решается благодаря выработанному механизму и традиции.

И вот Диоклетиан предлагает решение, которое кажется ему самому гениальным. Он создает тетрархию — от греческого *тетрархία*, «власть четырех». Империя делится на две части: Западную и Восточную. Во главе каждой части стоят два императора, не равные по статусу.

Два старших правителя получают титул августов, а двое младших — цезарей. При этом система предполагает четкий и заранее установленный срок правления: двадцать лет. По

истечении этого срока августы добровольно отрекаются от власти и уступают свое место цезарям, заранее подготовленным преемникам, которые, в свою очередь, становятся новыми августами.

Принципиально важно, что цезари не должны были быть кровными сыновьями правящих императоров августов: в противном случае все неминуемо вернулось бы к наследственным династиям — именно тому, от чего Диоклетиан пытался уйти.

На первый взгляд, система действительно сработала. В течение почти двадцати лет в империи устанавливается относительный мир. Диоклетиан разделил власть с Максимианом августом — отцом будущего императора Максенция, того самого, который впоследствии станет главным противником Константина.

В 305 году Диоклетиан и его соправитель Максимиан добровольно сложили с себя полномочия, передав власть цезарям. Это стало беспрецедентным шагом не только для императора, но и для любого власть имущего человека.

Обратная сторона «эпохи стабильности»

В целом империя переживает устойчивый период, у кото-

рого тем не менее есть и своя трагическая сторона. С эпохой Диоклетиана и его последователей связаны самые масштабные и системные гонения на христиан в истории Римской империи.

Если мы посмотрим на историю человечества — ту ее часть, которая уже достаточно хорошо изучена и описана, — то с неприятной ясностью увидим: гонения существуют практически всегда. Меняются лишь те, кого преследуют.

Чтобы гонения стали возможными, должны совпасть несколько условий. Во-первых, идеология преследуемой группы — то, что она проповедует, во что верит и что утверждает, — должна представлять реальную угрозу для официальной идеологии власти. Если группа не опасна, ее, как правило, предпочитают не трогать. Любое насилие, любое нападение может привести к непредсказуемым последствиям уже для самого нападающего. Христиане так же, как ранее иудеи, позднее гуманисты эпохи Ренессанса, а затем и ученые, подвергались преследованиям именно потому, что их взгляды могли поколебать основы государственной идеологии и официальных представлений о мире.

Во-вторых, преследуемая группа должна быть достаточно сильной. Она должна оказывать сопротивление, хотя бы моральное или интеллектуальное. Если избивать слабого, об-

публичное мнение нередко встает на сторону жертвы. А это уже создает для власти совсем иные, куда более опасные последствия.

В третьих, гонения, как правило, усиливаются именно в периоды глубоких кризисов — экономических, социальных, политических. В такие моменты государству необходим «козел отпущения», на которого можно возложить ответственность за происходящее и «слить» коллективное напряжение.

Во времена Диоклетиана подобных проблем было более чем достаточно. Империю приходилось фактически придумывать заново, формулировать смысл ее существования и механизмы управления. Именно поэтому гонения на христиан в этот период приобретают столь жесткий и системный характер.

Галерий и Констанций Хлор

Когда в 305 году Диоклетиан и Максимиан отрекаются от власти, новым августом Запада становится Констанций Хлор, отец будущего императора Константина.

К правлению на Востоке приходит Галерий, правивший до 311 года. Именно он устроит самые жестокие за всю историю гонения на христиан.

Впрочем, к концу своей жизни Галерий изменит позицию в отношении последователей Христа. Государственное преследование, безусловно, всегда является политической игрой, но эту игру ведут живые люди — со своими страхами, разочарованиями и личным опытом.

Галерий вынужден был публично признать: христиане оказались настолько упорными и внутренне стойкими, что сломить их невозможно, а значит, гонения были бессмысленными. Христиан казнили, пытали, лишали прав, но они не предавали своей веры. Если гонения не сломили их духа, возможно, равнодушие к ним смягчит их стойкость, поэтому пока оставим их в покое, а там посмотрим. В 311 году Галерий издал эдикт о веротерпимости — это первый шаг к будущей легализации христианства.

В отличие от Галерия, Констанций Хлор изначально проводил гораздо более умеренную политику в отношении самых разных слоев населения, включая христиан. Это позволило августу установить значительное влияние и контроль в западных провинциях империи.

В 306 году Констанций Хлор срочно требует, чтобы его сын Константин прибыл к нему в Британию — в город Эборак, современный Йорк. Этот вызов был не случайным: Кон-

станций Хлор ясно понимал, что его земные дни подходят к концу.

Константина, однако, не хотели отпускать. Он уже несколько лет находился при дворе Галерия в положении почти заложника — гаранта лояльности отца. Поэтому его отъезд больше напоминал бегство, чем официальное путешествие на встречу с венценосным родителем.

Становление нового императора

Каким был Константин к этому моменту?

Он получил классическое образование, но не был утонченным ритором или книжным интеллектуалом. Почти вся юность Константина прошла в военных лагерях и на полях сражений. Он участвовал в кампаниях на самых сложных рубежах империи — на Востоке, вероятно, в районах, прилегающих к Персии, бывал в Египте. Он возмужал на самых нестабильных и сложных землях империи, где видел не достижения, а преимущественно результаты проблем и промахов Великого Рима.

При этом Константин — необычайно удачливый военачальник. Создается ощущение, будто ему кто-то помогает свыше: не обладая репутацией выдающегося теоретика или

стратега, он тем не менее выигрывает все свои сражения. Его авторитет среди солдат становится абсолютным и безусловным.

В 306 году его отец, Констанций Хлор, умирает в Эбораке. Согласно строгим правилам тетрархии, установленной Диоклетианом, Константин не имел никаких законных прав на власть: он не был ни августом, ни цезарем, а всего лишь сыном умершего правителя части империи.

Однако солдатам легионов Римской империи, этой колоссальной политической силе, оказывается понятен и близок человек, с которым они воевали и побеждали, а не далекий кандидат, назначенный где-то в Риме. И легионы провозглашают Константина императором.

С этого момента начинается острейший политический кризис и настоящая борьба за империю. В какой-то момент в Римском мире одновременно действуют четверо (фактически пятеро) претендентов на верховную власть, каждый со своими амбициями и своей территорией влияния:

- на Востоке власть остается у августа Галерия;
- на Западе титул августа получает Север;
- Константину формально присваивают титул цезаря, не устраняя его, но и не признавая полноправным императором.

ром;

— а в самом Риме власть захватывает Максенций, сын бывшего августа Максимиана, который, к слову, и сам вернулся в политику, вновь провозгласив себя августом.

Все вышеописанное происходит на фоне глубокого финансового кризиса, давления варварских племен на границах, социальных волнений и усиливающегося стремления провинций к автономии. После эдикта императора Каракаллы 212 года почти все свободные жители империи стали римскими гражданами, и каждый ощущал свою значимость и право голоса.

И наконец, оставался Рим — город-миллионник, управление которым уже само по себе представляло колоссальную проблему. Империя буквально балансировала на грани распада.

И вот в этот момент Константин решает начать объединение империи. Вряд ли это было проявлением какого-то стратегического видения. Скорее, за решением стояло очень человеческое желание власти. Константин хочет править единолично и заявляет: только единый император способен вернуть империи подлинную целостность.

Система множественных правителей, которую Диоклети-

ан задумывал как спасение, на деле лишь усугубила кризис и запутала ситуацию. Тетрархия не стабилизировала империю, а разорвала ее. С этого места начинается стремительное восхождение Константина.

В 312 году он делает первый серьезный шаг к своей цели. В октябрьской битве у Мульвийского моста, о которой мы еще поговорим подробнее, повержен Максенций, узурпатор и правитель Рима. Город оказывается под властью Константина, и его путь к единовластию продолжается.

Следующий этап — борьба за Восток. Руками Лициния Константин избавляется от Максимиана II Дазы — последнего серьезного соперника на восточных территориях. Чтобы закрепить союз и продемонстрировать доверие, Константин выдает за Лициния замуж свою сестру Констанцию.

Но Лициний напрасно надеется, что родственные узы защитят его. Стремление Константина к единоличной власти оказывается сильнее любых семейных связей. В 324 году Лициний терпит поражение: кампания охватывает Балканы и проливы, а решающая битва происходит при Хрисополе.

Поначалу Лициния щадят и отправляют в ссылку, однако уже вскоре он будет казнен по обвинению в заговоре. Констанция возвращается ко двору брата и, будучи христианкой,

молится за судьбу своего мужа, стремясь спасти его душу от вечного наказания — ведь по христианскому представлению, смерть без покаяния означала гибель души. Для нее, жены человека, убитого по воле ее брата, христианство становится приютом, где душа находит успокоение от боли, нанесенной ей жестокой окружающей действительностью.

А Константин тем временем не сворачивает с выбранного курса. Он начинает перестраивать Византий в новую столицу империи — город, которому вскоре суждено будет получить его имя: Константинополь.

В 330 году Константинополь официально становится новой столицей империи. Рим перестает быть центром мира. История делает резкий поворот: центр власти, культуры и политики окончательно смещается на Восток. Начинается новая эпоха.

Интриги и заговоры императорского двора

Время брало свое, двор стареющего и слабеющего Константина все больше утопал в атмосфере постоянного напряжения, где близость к власти могла в любой момент обернуться смертельной опасностью.

Вторая жена императора, Фауста, обвиняет Криспа — его

старшего сына от первого брака — в том, что тот якобы пытался ее изнасиловать. Константин верит обвинению и приказывает казнить своего первенца. Это произойдет в 326 году. Лишь позже он осознает, что Фауста оболгала Криспа, стремясь расчистить дорогу к власти для своих детей.

Расплата оказывается жестокой. Фаусту запирают в перегретых термах. Она погибает от удушья и жара. Это один из самых мрачных эпизодов правления Константина, который навсегда остается тенью на его биографии.

Очень часто именно с этим периодом связывают легенду о духовном подвиге святой Елены, матери Константина. Согласно христианской традиции, она вместе с сестрой императора Констанцией стремится спасти душу близкого человека. Константин для них — не просто император, а сын и брат, несущий на себе тяжелую вину.

Елена отправляется в Святую землю, где, по преданию, находит важнейшие христианские реликвии, в том числе Крест Господень, которые затем будут перевезены в Рим и Константинополь. Однако современные историки относятся к этим рассказам с осторожностью. Возможно, часть событий действительно происходила, но у нас крайне мало надежных источников, которые позволили бы восстановить все в деталях. Поэтому здесь история переплетается с благоче-

стивой легендой.

Фактом остается другое: в 337 году император Константин практически на смертном одре принимает крещение. Обряд совершает Евсевий Никомидийский, епископ Константинополя. Вскоре после этого Константин умирает, оставив империю своим сыновьям.

Дальше начинается крайне сложный и драматичный период. Первые десятилетия после своего основания Константинополь был сценой для бесконечной череды внутренних конфликтов и гражданских войн. Род Константина фактически истребляет сам себя: родственники убивают родственников, борьба за власть не знает пощады.

Наконец в 361 году к власти приходит племянник Константина — Юлиан, вошедший в историю под именем Юлиан Отступник. Это последний языческий император Римской империи.

При Юлиане происходят последние попытки давления на христиан, но это уже не классические гонения. Скорее, это стремление ограничить влияние христианской общины, которая за несколько десятилетий превратилась в мощную политическую и социальную силу. Юлиан пытается вернуть преимущество традиционной эллинской культуре и языче-

ской религии. Он правит всего два года и погибает во время военного похода. После его смерти начинается уже непрерывная линия византийских христианских императоров.

Любопытно, что Юлиану в свое время удалось избежать дворцовой резни, последовавшей за смертью Константина. В тот момент он находился в Афинах, где изучал греческую философию и культуру, которыми был просто очарован. Именно Юлиан оставляет крайне резкое личное суждение о Константине, называя его человеком не слишком образованным, чувственным, склонным к удовольствиям и одержимым властью.

Но помимо взгляда Юлиана, у нас есть и другой, противоположный источник — Евсевий Кесарийский, главный христианский биограф Константина.

Евсевий Кесарийский — епископ Кесарии Палестинской, один из самых образованных интеллектуалов своего времени. Именно благодаря ему до нас дошел образ Константина, насыщенный восторженными, почти апологетическими определениями. В своей «Жизни Константина» Евсевий создает портрет идеального христианского императора — защитника Церкви и избранника Провидения.

Но это не интеллектуальное подхалимство. Евсевий смог

посмотреть на неоднозначный жизненный путь Константина с ракурса исторической перспективы: независимо от мотивов — политических, личных или религиозных — Константин действительно останавливает кровавую бойню и кладет конец систематическим гонениям на христиан, которые на протяжении десятилетий раздирали империю. И чтобы разобраться в том, как именно это ему удалось, вернемся к началу правления Константина.

Миланский эдикт

Издание Миланского эдикта происходит в 313 году. Формально документ подписывает Лициний, а не сам Константин, что часто упускают, — по результату их соглашения после встречи в Милане. На самом деле Константин издал аналогичные распоряжения для своих территорий еще раньше.

К этому моменту Максенций уже устранен, дни Максимиана Дазы на Востоке сочтены, и два главных правителя договариваются о принципиально новом подходе. Гонения прекращаются — не только на христиан, но и вообще по религиозному признаку. Государство заявляет: человек имеет право верить в то, во что считает нужным.

Миланский эдикт — один из важнейших документов в истории поздней Римской империи и европейской цивили-

зации в целом. Документ не сделал христианство государственной религией, как это часто ошибочно предполагается, но впервые на имперском уровне утвердил принцип религиозной терпимости. Согласно его положениям, всем подданным Римской империи предоставлялась свобода исповедовать любую религию, какую они сочтут истинной. Особое значение имело то, что христиане получали не только право открыто исповедовать свою веру, но могли вернуть ранее конфискованное имущество и восстановить общины.

Эдикт стал логическим завершением эпохи преследований христиан, их существования в условиях правовой нестабильности, чередования терпимости и репрессий.

Политический смысл Миланского эдикта был так же значим, как и религиозный. Для Константина документ стал шагом к консолидации империи через признание новой, быстро растущей силы — христианской общины. В этом контексте эдикт можно рассматривать не только как акт веротерпимости, но и как тонкий инструмент государственной политики.

Последствия его оказались далеко идущими. Уже в течение IV века христианство из преследуемой религии превращается в доминирующую духовную и культурную силу империи, а при императоре Феодосии I в 380 году (Фессалоникский эдикт) становится официальной религией.

Подлинная революция Миланского эдикта в том, что это не акт о привилегиях для христиан, а документ о религиозной свободе, меняющий саму логику отношений между властью и верой.

А во что же верил сам Константин?

Какая сила вела самого императора?

Его жизненный путь едва ли вписывается в логичный ряд причин и следствий. Перед нами человек, в котором трудно разглядеть задатки гениальной личности в привычном для нас смысле: ни философского склада ума, ни великих подвигов. Константин — солдат, человек войны, человек действия. Он — римский гражданин, рационален и целеустремлен. И вовсе не идеален со своими слабостями, которых очень много.

Константин — далеко не апостол и даже толком не христианин.

Он не приходит к христианству через внутренний духовный опыт в нашем привычном понимании. Он приходит к нему иначе. Поэтому вопрос «во что он верил?» остается принципиально важным.

Люди его времени были весьма суеверны, и сам Константин всегда верил в то, что боги ведут его к победе. Он даже не называл себя Константином Великим — он называл себя *Constantinus Victor*, Константин Победитель. Победа для него была знаком избранности.

И именно поэтому для христианской традиции столь важным становится рассказ о видении, которое посетило императора в 312 году. Согласно легенде, Константин, шедший на Рим с целью объединить империю, увидел накануне решающего столкновения небесный знак.

Тогда он еще не был христианским императором. Он шел на Рим как полководец и претендент на верховную власть. И очень боялся, что Максенций закроется за стенами Рима, и тогда осада затянется, а Константин окажется в положении проигравшего. Но, выйдя ночью из шатра, он вдруг увидел, как открывается небо, является знак — крест или сияющий символ, и раздается голос: «Сим победиши». Это видят и Константин, и его воины.

О видении рассказывает, в частности, и Лактанций — человек, живший при дворе Константина. При этом нужно учесть, что Лактанций был не только христианским мыслителем, но и ритором, автором трактатов по государственной риторике. А в рамках римской традиции подобные рассказы

о знамениях и снах нередко служили политическим инструментом, частью имперского нарратива. Поэтому неизбежно возникает вопрос: было ли это видение в действительности или же оно оформилось позже как необходимый элемент легитимации власти?

Примечательно и другое. Ни Лактанций, ни Евсевий Кесарийский напрямую не связывают это видение исключительно с битвой у Мульвийского моста. Они говорят о знаке, но не фиксируют его в строгой хронологической и визуальной форме.

И тогда остается, пожалуй, единственный возможный путь — попытаться «спросить» самого Константина.

Мы можем сделать это благодаря одному из важнейших памятников его эпохи — Арке Константина в Риме. Этот монумент собран из рельефов разных времен, но среди них есть сцены, изображающие сражение Константина с Максенцием. И как бы мы ни рассматривали эти рельефы — а ученые изучили буквально каждый их миллиметр, — мы не найдем там ни одного креста и ни одного явного христианского символа.

Более того, если бы Константин и увидел какой-то знак, то, скорее всего, это была бы не форма креста в привычном для нас смысле, а христограмма — монограмма ХР. Крест

как главный визуальный символ христианства в это время еще не сформировался окончательно. Поэтому видение Константина стоит отнести скорее к легендарным, хоть и необходимым фактам его биографии. Этот рассказ укладывался в античную традицию и позволял говорить о божественном покровительстве. Многие императоры утверждали, что им сопутствовали счастливые знамения. Были ли они на самом деле — вопрос вторичный. Гораздо важнее, какую роль эти истории играли в формировании смыслов, нужных власти.

Но, по сути, именно этот сюжет и позволил примирить фигуру языческого императора Константина с его будущей христианской историей — историей, отцом которой в значительной степени становится его личный биограф Евсевий Кесарийский. И надо сказать, что Евсевий в своих сочинениях опирался не только на устные предания, но и на документы, на реальные источники. В этом смысле он действительно может считаться одним из основателей христианской историографии, пусть затем и последует долгий перерыв в ее развитии.

Битва у Мульвийского моста

Получил мистическое знамение Константин или нет, но в октябре 312 года в Риме присутствовало ощущение рока и некоей предопределенности, той самой античной мистики,

которая всегда сопровождала судьбоносные события.

Битва у Мульвийского моста могла вообще не состояться. Максенций прекрасно понимал соотношение сил. Армия Константина была огромной — по оценкам источников, она насчитывала около 40—50 тысяч человек опытных закаленных ветеранов. Константин подходил к Риму с севера, между ним и городом лежала река Тибр. Самым разумным решением для Максенция было бы закрыться за Аврелиановыми стенами, которые Константин не смог бы взять. Для полевого сражения такая армия была колоссальной, но для осады Рима — недостаточной.

И здесь история могла пойти совершенно иным путем, если бы Максенций не обратился к Сивиллиным книгам.

Именно это, по мнению историков, объясняет все его последующие шаги, которые с точки зрения военного искусства выглядели почти безумными. Сивиллины книги возвещали: в этот день, в это утро, великий враг Рима будет повержен. Максенций, разумеется, истолковал пророчество в свою пользу. Он был уверен, что в предсказании речь идет о Константине.

Однако все же уточним, что причина, по которой Максенций вышел из города, кроется не только в Сивиллиных кни-

гах, но и в политическом давлении: население Рима выражало недовольство из-за продовольственной блокады, и длительная осада грозила Максенцию внутренним бунтом и изменой.

Поэтому он принимает роковое решение: выводит войска за пределы Аврелиановых стен. Более того, его армия переходит Тибр по временной переправе, чтобы дать сражение в открытом поле.

Ход битвы изучен достаточно подробно. Сначала в бой вступила конница. И вновь создается ощущение, что Константину помогает некая сила: ему удается рассеять конницу Максенция. После этого его кавалерия и пехота постепенно, но уверенно начинают теснить войска противника.

Сражение было тяжелым и кровопролитным, но не являлось бойней в привычном для нас смысле. Это была гражданская война, и солдаты прекрасно понимали, что сражаются не за родину и не за идею, а за амбиции двух претендентов на власть — и эти амбиции в Риме редко переживали своих носителей. Когда войска Максенция осознали, что исход битвы складывается не в их пользу, они попытались отступить к переправе.

В этот момент временный мост, возведенный наспех, рух-

нул. Многие солдаты упали в воды Тибра. Среди них оказался и сам Максенций.

Раненый, он падает в реку и погибает в водах Тибра. Уже после победы Константин прикажет отсечь Максенцию голову и с этим страшным трофеем торжественно войдет в Рим — жест, вполне соответствующий политическим и символическим кодам поздней Римской империи.

Единственной силой, которая отчаянно сражалась до конца в этой битве — когда, казалось, сама судьба была на стороне Константина, — была конная гвардия (*Equites Singulares Augusti*). Сразу после вступления в Рим Константин ее упразднит, ликвидирует казармы (*Castra Nova equitum singularium*), а земли передаст Церкви. Именно здесь позднее вырастет собор Сан-Джованни-ин-Латерано — первая и главная кафедра епископа Рима.

Победителем Константин входит в Рим, но надолго в этом городе не задерживается. Он возвращается на север, в сторону Милана. Именно там появляется знаменитый документ, который традиция называет Миланским эдиктом, пусть он и не был эдиктом в строгом смысле слова и даже не был официально издан в Милане. Тем не менее историография закрепила за ним это название, и со временем оно стало каноническим.

После победы Константин отправляется в Византию, а мы можем пока невольно задуматься. Глядя на судьбы исторических личностей, начинаешь ясно чувствовать: в нашем мире действуют силы, о природе которых мы знаем далеко не все. Но поверил ли сам Константин в единого Бога? Стал ли он христианином после этой победы? Скорее всего, ответ будет «нет».

Константин продолжает почитать Солнце — *Sol Invictus*, Непобедимое Солнце. Об этом свидетельствует и арка Константина: если внимательно посмотреть на ее восточную сторону, можно заметить, что при восходе солнца лучи неизменно освещают изображение солнечного божества. На рельефах арки, как мы уже видели, нет ни одного христианского символа.

И только к концу жизни, уже в 320—330-е годы, с Константином происходит нечто, что способно приблизить его к христианскому пониманию мира.

С одной стороны, его вклад на Никейском Соборе бесценен с точки зрения сохранения единства веры. Толкование однозначно: единая вера — единая империя, единый Бог — единый император.

И в то же время фигура Константина утверждает идею, корни которой мы находили у этрусков: двойная власть, земная и божественная, — соединены в руках одного правителя.

ГЛАВА 5. Первый храм

Исследуя фигуры Константина и Петра, мы видим: перед нами два совершенно заурядных человека, которыми двигали обычные человеческие чувства и желания. Они оба были готовы пойти даже на предательство близких: Константин не раз пожертвует семьей ради власти, а Петр предаст Христа, желая спасти свою жизнь.

И все же в конце жизненного пути каждый из них пришел к Богу. Петр и Константин сами стали фигурами божественного провидения, воплотив в реальность великий и прекрасный замысел, превосходящий их собственные представления о возможном.

В их историях даже скептики могут почувствовать печать судьбы и некую предопределенность, символическую линию. Как и во всем, происходящем на холме Ватикан.

Неблагодатная болотистая почва хранит память об ушедшей цивилизации этрусков. На их место приходит Рим и утверждает принцип, который впоследствии станет фундаментом государства: все равны перед законом. Позже на холме Ватикана появляется некрополь, город мертвых, — а потом здесь будет распят и погребен апостол Петр, утвердив-

ший своей жертвой победу вечной жизни над смертью. Так Ватикан превратился в символическое место дуэли жизни и смерти, закона и хаоса, где жизнь и порядок одерживают победу.

И в подтверждение этой идеи мы видим, как Константин принимает решение возвести храм над могилой апостола Петра. Не мавзолей во имя почтения памяти одного из 12 учеников Христа, принесшего его слово в Рим. А христианский храм на месте захоронения — чтобы воспевать вечную жизнь на небесах. И кажется, выбирая построить храм на холме Ватикана, Константин даже представить себе не мог, что этим решением он изменит не только облик Ватикана — он изменит весь мир.

Завоевания Константина — докучливые строки в учебнике истории. Подлинное бессмертие императору принесли город, который он основал, и храм, который он построил.

Начало трансформации античного мира

Миланским эдикт 313 года, без которого возведение храма было бы невозможным, ознаменовал переход от классической римской традиции к христианской цивилизации, что определило облик Европы на многие века вперед.

Каким же был Рим в этот период? Уж не сам ли город вдохновил Константина на создание документа о религиозной веротерпимости? Что он увидел, войдя в Рим после победы над Максенцием? Почему решил возвести храм над некрополем, невзирая на сложности? Не проще ли было просто перенести мощи Петра в другое место?

Рим в начале IV века — город ослепительной красоты. Все то, чем мы восхищаемся сегодня — точнее, руинами дошедшего до нас, — уже было создано: великолепная архитектура, обилие произведений искусства были атрибутами повседневной жизни города.

Это был город, где наслаждались жизнью в прекрасном настоящем и где напрочь отсутствовали мысли о будущем. У элиты любого общества есть важнейшая задача — создавать культурный смысл, формировать содержание эпохи и, самое главное, определять идеалы, вектор будущего развития. Римская элита тогда уже была на это неспособна.

Она была занята в основном поиском легких путей еще большего обогащения, сплетнями и бесконечными насмешками над уровнем латинского языка римских полководцев варварского происхождения. Показательно, что сам «римский» латинский в этот период уже утрачивал свою идеальную строгость, лаконичность и чистоту. Люди у власти бо-

ролись за самые лакомые куски — за влияние, за богатство, за максимальную прибыль. Коррупция процветала и становилась почти нормой жизни.

Зато развлекаться Рим все еще умел, и в этом ему не было равных. Такого количества забав и развлечений, как в Риме, не было больше нигде в мире, и долго еще не будет после его заката.

Посреди этой социальной стагнации Константин не мог не обратить внимания на то, как отличался от окружающего упадка образ жизни христианской общины. Убеждения христиан были столь глубоки и непоколебимы, что люди могли отдать за веру свою жизнь. При этом основная часть христианской общины Рима состояла не из бедноты и рабов, в нее входили влиятельные, образованные и состоятельные граждане.

Философская мысль христианства была не просто созвучна римской этике, она несла своеобразную красоту и глубину. А главное, была сильной и чистой, давала надежду и силу идти вперед через хаос римского божественного пантеона.

Именно в христианстве Константин увидел будущее империи. Указ о свободе вероисповедания родился в наблюдениях за достоинством, нравственностью и силой веры рим-

ской христианской общины, которая смогла покорить сердце даже такого достаточно жестокого властолюбца, как император. Иначе не объяснить его личное решение о финансировании постройки христианских храмов из казны — Миланский эдикт, даруя свободу вероисповедания и уравнивая христианское духовенство в правах с языческими жрецами Рима, все же не предписывал государству заботу о возведении культовых мест для христиан.

Старый собор Святого Петра и его современники

Первым христианским храмом на Западе, возведенном при Константине, стала базилика Сан-Джованни-ин-Латерано. Этот храм сегодня — живое семнадцативековое свидетельство непрерывной христианской традиции. Время шло, эпохи сменялись, и каждая из них оставляла свой след в стенах этой базилики.

Выбор места для возведения этого храма не был случайным. Латераны — древний римский род. Во времена Константина их земли пусть и сохранили имя династии, но уже давно были заняты казармами конной гвардии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.